

Ж. Гурраича
**СЕРДЕЧНО
БЛИЗКИЙ МИР**

**Космонавт-исследователь
ЖУГДЭРДЭМИДИЙН ГУРРАГЧА**

Ж. Гуррагча

**СЕРДЕЧНО
БЛИЗКИЙ МИР**

*Перевод с монгольского
Ю. Н. КРУЧКИНА*

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

ББК 39.6г
Г95

МОНГОЛЫН ЗОХИОЛЧДЫН ЭВЛЭИЙН ХОРОО

Ж. ГУРРАГЧА

ЗУРХНЭЭ ХОЛБООТОЙ ДЭЛХИЙ

УЛСЫН ХЭВЛЭЛИЙН ГАЗАР
УЛААНБААТАР ХОТ 1983

Г 4703000000—056 КБ—23—17—1987
068(02)—88 БЗВ № 7—1987—№ 18

ISBN 5—203—00529—X

Перевод на русский язык,
© Воениздат, 1988

К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель! Вашему вниманию предлагается эта не совсем обычная книга о космических делах, написанная нашим большим другом летчиком-космонавтом МНР Жугдэрдэмидийном Гуррагчой. Необычность эта заключается в том, что автор, отказавшись от технических подробностей космического полета, увлекает нас в эмоциональный, возвышенный и опоэтизированный мир переживаний обыкновенного, от земли, монгольского парня, которому было суждено почти буквально пересечь с коня на космический корабль, и сделать это блестяще.

Бытует мнение, что полеты международных экипажей по программе «Интеркосмос» носят, главным образом, политический характер. Безусловно, социальное значение таких полетов очень велико, однако не менее важными являются результаты медико-биологических, астрофизических, технологических экспериментов, исследований атмосферы, природных ресурсов Земли, а также решение ряда других научно-технических и прикладных задач совместными усилиями ученых и специалистов разных стран.

В ходе советско-монгольского полета на борту орбитального комплекса «Союз-Т4» — «Салют-6» — «Союз-39» совместно с Владимиром Коваленком и Виктором Савиных была выполнена научная программа, включавшая 25 медико-биологических, физико-технических, технологических экспериментов, проводились исследования атмосферы и природных ресурсов Земли. В медико-биологических экспериментах было продолжено изучение периода адаптации к невесомости. Особый интерес для Монголии представляют эксперименты «Биосфера-Мон» и «Эрдем», проводимые с целью получения информации о кольцевых структурах, рифтовых зонах и других геолого-географических объектах страны и имеющие огромное значение для народного хозяйства МНР. Мы стали свидетелями и участниками очень важного события в жизни нашего большого и верного друга — монгольского народа.

За работой находилось время и для шуток, рассказов. Смотрели видеозапись, подготовленную монгольскими друзьями.

Короткие, скупые эпизоды... Бескрайняя степь, юрты, родители Гуррагчи, отцовская табакерка и материнские десять тугриков «на

конфеты»... Строительство Эрдэнэта, города советско-монгольской дружбы... Спортивные состязания, цирк, концерт... Протяжная песня, идущая от сердца и из глубины веков Монголии...

Там, на орбите, все это воспринималось совершенно по-особому, с волнением и обостренно.

Оказалось, что в Монголии понятие «тугрик на конфеты» имеет гораздо более глубокий смысл, чем у нас «рубли на мороженое». Этот тугрик надо заслужить, заработать. В детстве — это редкая и потому надолго запоминающаяся награда, а в зрелом возрасте — традиционный способ напутствия сыну с трогательной заботой и надеждой на счастливое возвращение его в родительский дом. Отец же будет спокойным, когда его табакерка, переходя из сыновних рук в руки его товарищей, чтобы они могли понюхать отцовского табаку, напомнит о родной юрте и честном исполнении долга, а может быть, за неторопливой беседой поможет решить важное государственное дело...

А дел у Гуррагчи немало. Он председатель Центрального совета Общества содействия обороне МНР, заместитель Председателя Великого народного хурала, активный член Общества монголо-советской дружбы... Всех обязанностей сразу не перечислить. Поездки, встречи, выступления, ответы на письма... За всем этим кроется главное — огромная воспитательная работа с молодежью, с будущим Монголии, и эта работа уже приносит плоды.

Летчик-космонавт СССР В. ДЖАНИБЕКОВ

Глава первая

НА КОСМОДРОМЕ БАЙКОНУР

Утро тридцать третьей весны моей жизни...

Тридцать три года прошло с тех пор, как в полнолуние среднего месяца зимы года красного кабана в уютном, укрытом от ветров зимовье, схоронившемся в Рапантской впадине, у гор Хугна-Хан, в центральной части страны, родился обыкновенный мальчик. Как и все, он начал свой жизненный путь «в юрте чабана, откуда струится дымок кизяка».

Прошли годы... И вот сегодня этот мальчик стоит на стартовой площадке космодрома Байконур.

Минуло уже двадцать лет с тех пор, как человечество впервые услышало это магическое слово — Байконур. В тот далекий день 12 апреля 1961 года гражданин Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин первым в мире поднялся с этого космодрома в космическое пространство. Это «впервые» не могло тогда звучать обыденно. Ведь оно вобрало в себя нечто новое, отличное от всего, что было создано за прошедшие века разумом и руками человека. Это притягательное «впервые», воплотившее в реальность мечту сотен тысяч поколений, превратило в быль сказки и легенды.

Человек, оторвавшись от матушки-Земли, устремился в неведомые космические дали и вернулся оттуда живым и невредимым. Впервые во всей Вселенной!

В то весеннее утро во все уголки планеты полетели слова: «Говорит стартовая площадка космодрома Байконур! Человек впервые поднялся в космос! Первый человек, проникший в космос, — гражданин Союза Советских Социалистических Республик, сын русского народа Юрий Гагарин!.. Говорит стартовая площадка космодрома Байконур!..» И всюду — в Москве, Париже, Вашингтоне, в индейской деревушке у горного андского ущелья, в бедной негритянской хижине, в африканских джунглях, в шалаше аборигена на каком-нибудь архипелаге среди бескрайних океанских просторов — всюду, где имелась возможность слу-

шать радионовости, у людей невольно рождались чувства изумления и восторга.

Стало ясно — началась новая эра, исполнилась наконец вековая мечта человечества. Занавес в манящую загадочную бесконечность Вселенной был приоткрыт.

Мы, ученики 5 класса средней школы сомона Хишиг-Ундэр Булганского аймака, в тот весенний день не могли сдержать своего восхищения и радости. До сих пор четко представляется мне утро, когда мы услышали весть о полете. На верхушке телеграфного столба, расположенного перед юртами нашей школы, помню, висел громкоговоритель. Мы, мальчишки, гоняли мяч, когда голос диктора, сообщавшего, как всегда, последние новости, вдруг перешел на торжественно-приподнятую ноту: «Внимание! Внимание! Передаем последние известия, полученные из Москвы. Сегодня на космическом корабле «Восток» впервые в истории человечества в космос полетел человек — гражданин Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин...» Когда диктор закончил говорить, мы запрыгали от радости и пустились в пляс вокруг телеграфного столба, громко крича «ура»...

С того самого дня мы всего двадцать раз встретили и проводили весну. Неужели наступил и мой черед подняться на стартовую площадку космодрома? Да, с любым может случиться сколько угодно чудес, сюрпризов, значительных событий. Но такое?! Кто же я на самом деле?.. Мысли роем неслись в голове. Постепенно пришло успокоение, и я понял, что настало время обобщить все то, над чем не раз приходилось мне задумываться с того самого дня, когда три года назад пришла волнующая новость о включении меня в состав космического экипажа. Только теперь я полностью осознал всю полноту ответственности, которая ложилась на мои плечи. Как говорят, успехи нынешние да грядущие есть следствие побед уже достигнутых. Что же тогда получается? Разве эти вот высоты есть прямой результат моих скромных в прошлом дел? Почему именно ко мне судьба оказалась благосклонной? Не так просто было ответить на этот вопрос. И вместе с тем я понимал, какая огромная ответственность легла на мои плечи. Многие монгольские парни могли бы сегодня, так же как и я, прибыть на славный Байконур, взойти на стартовую площадку первого в мире космодрома. А сейчас всех их представляем здесь только мы двое — Ганзориг и я. Эх! Полететь бы всем нам вчетвером — Джанибекову со мной и Ляхову с Ганой! Но на этот раз такого не предусмотрели-

но. Летим мы вдвоем с командиром корабля Владимиром Александровичем Джанибековым. Теперь-то уже можно поверить, что все это действительность. Несколько дней назад Гана, Ляхов, Джанибеков и я прилетели сюда на двух разных самолетах. Мы были вместе неразлучно три года, а сюда нам пришлось согласно строгой инструкции лететь врозь. Наши самолеты держались рядышком. И, глядя в иллюминатор, я думал: «Гана... За эти три года мы стали как братья родные. Но одному из нас придется остаться на Земле, а другому — лететь. Конечно, нет разницы в том, кто из нас полетит. Ты остаешься, я лечу. Могло быть и иначе. Правда, даже если я уже пристегнулся, но еще не дан приказ на готовность и не начат отсчет времени — есть еще возможность экстренной смены экипажа. Но фактически уже сейчас окончательно определилось, кто из нас полетит».

В такой вот час неизбежно задумываешься о том, как ты прожил жизнь. И путь, приведший меня на Байконур, кажется то до мимолетности коротким, то неизмеримо долгим. В такой непривычный час, как мне представляется, ты, рассуждая о плохом и хорошем, о находках и потерях, сравниваешь свою собственную жизнь с жизнью окружающих, как бы ведешь спор с самим собой о любви, дружбе, много думаешь о счастье, о родине, о своем народе, о времени, в котором живешь. Призадумываешься также и о своих чисто человеческих качествах, своем образовании, мечтах и надеждах.

Хотя за двадцать лет после полета Юрия Алексеевича Гагарина в космосе побывал уже не один десяток космонавтов, многие его явления все еще окружены тайной. Космос продолжает оставаться неведомым таинственным миром, где на каждом шагу может случиться непредвиденное, непоправимое. И тут невольно думается о священном долге, возложенном на тебя.

В прошлом году мы с Ганзоригом во время отпуска посетили свои родные места, погостили у родителей, навестили близких. Нас ждал Звездный городок, а затем Байконур... Мы ощущали себя посланниками социалистической Монголии и готовы были приложить максимум усилий для выполнения своей почетной миссии.

...И вот мы приземлились на аэродроме, расположенном недалеко от берега Сырдарьи. По дороге в гостиницу, глядя на бескрайние степные просторы, так похожие на наши родные монгольские степи, я спросил:

— Ну, Гана, о чем тебе думалось в самолете?

По привычке нахмутив черные брови, он прищурился и посмотрел в бескрайние дали за Сырдарьей.

— Думал, почему же все-таки я оказался здесь?

— Интересно, и я тоже.

— Можно сказать, летел сюда, охваченный этой думой. Мы ведь с тобой — одни из тех многих, которые могли бы оказаться здесь, как ты и я...

Он высказал точно такую же мысль, как и моя. Да, наша с Ганой биография в общем схожа с биографией многих молодых людей нашего поколения. Но именно эта простота и схожесть биографий привели нас к стартовой площадке космодрома.

Жили мы в гостинице «Космос». На утренней зорьке, по утвердившейся привычке, выйдя с командиром экипажа на свежий воздух, мы делали гимнастику, совершали дальние прогулки. Дующий в спину легкий ветерок приносил знакомый степной аромат.

Владимир Александрович Джанибеков, выросший в Узбекистане, также не оставался равнодушным к суровой степной красоте. Находясь дома, в Звездном городке, я обычно называю его по имени и отчеству, на тренировках же, а тем более теперь, когда пробил час полета, обращаюсь к нему строго: «Товарищ командир». Для меня, человека военного, Владимир Александрович не только командир корабля. Он старше меня по возрасту, выше по званию — он полковник, уже известный космонавт, Герой Советского Союза. Поэтому я не мог не гордиться им, не уважать его. Кроме того, за время совместных тренировок мы так привыкли друг к другу, что, без преувеличения скажу, он стал как бы моим старшим братом. Из десяти детей в семье я был самым старшим. Поэтому найти старшего брата — для меня само по себе было уже событием. Владимир Александрович — прекрасный человек. Всегда спокоен, уравновешен. А из глубин его души постоянно исходят, как бы озаряя все и вся, теплые лучи дружелюбия. Когда он рядом, дело спорится и на душе спокойно. Он хоть и немногословен, но все, что скажет — как на службе, так и на веселье, — попадает в «десятку». Устремленные вдаль, всегда в раздумье, глаза его светятся... Редкая, обаятельная улыбка... Одним словом, человек он замечательный.

Можно сказать, не было темы, которой мы не коснулись бы в наших беседах. Говорили о родных местах, о семье, о друзьях, о забавных проделках в детские годы, о своих мечтах и даже о снах только что прошедшей ночи. Благодаря долгим совместным тренировкам и многочасовым занятиям

в учебной модели кабины космического корабля мы научились понимать друг друга с полуслова, по легкому жесту или просто взгляду. Иногда мне даже кажется, будто мы всю жизнь только и делали, что вместе тренировались. Ни минуты не сомневались бы и не раздумывали, если бы нам предложили всю жизнь провести вместе в полете к далеким звездам, планетам.

— Гур, о чем сейчас думаешь? — спросил Джанибеков. А в глазах у него все то же спокойствие, кристальная чистота.

— Владимир Александрович, мне кажется, я вижу свое детство на той стороне Сырдарьи.

Он улыбнулся:

— Это верно. Перед первым полетом и мне часто вспоминалось детство. Почти все космонавты именно так и говорят. Вероятно, полет в космос — все равно что встреча с будущим. А для того, кто готовится к ней, естествен и столь пристальный взгляд в свое прошлое...

Утро тридцать третьей весны моей жизни. С рассветом берега Сырдарьи приобретают бежевый и красноватый оттенок — точь-в-точь как в долине моей родной реки Тарна; наплывает воспоминание о весенних миражах с убегающими вдаль золотистыми волнами песков, мчащимися табунами и огромными белыми юртами. О, детство мое! Река Тарна и бухточка Хайласт, горы Хугна-Хан и Шивэртгинская долина, полная пушистой черемухи, зимнее кочевье в Рапанте и я, восседающий на коне и пасущий отару.

Сын арата сменил коня на космический корабль и готов устремиться в космические дали. Детство мое пролетело на стремени, а теперь у меня под ногами стремяна «космического коня». Мог ли я раньше мечтать об этом?

После полета Ю. А. Гагарина я стал больше рисовать, запускать бумажные ракеты, как и все дети. Но потом получил специальность, и работа моя в какой-то степени была связана с космосом. Выйдя за рамки детской фантазии, я действительно захотел стать космонавтом, впрочем, как и многие другие мои сверстники.

В 1976 году, обучаясь в Академии имени Жуковского, я прочитал в газете «Правда» статью о программе «Интеркосмос». Потом как-то пошутил в беседе с друзьями, что от Монголии я и полечу. Сказал в шутку, а в глубине души вспыхнула искорка надежды — может, моя профессия действительно и подойдет. Кроме того, ведь многие из космонавтов были выпускниками нашей академии.

Над столом, за которым я готовился к дипломной работе, висела фотография, запечатлевшая момент вручения награды Юрию Алексеевичу Гагарину. Другьям, которые заходили, я в шутку говорил, что скоро получу такую же награду. В 1977 году я закончил академию и начал работать в авиационной эскадрилье в городе Налайха. Жили мы с женой и только что родившимся сыном на частной квартире. Соседский мальчик подарил нашему сынишке фотографию космонавта Бориса Валентиновича Волынова, пожелал ему стать космонавтом, когда подрастет. Нам с женой это было очень приятно. Но в действительности опередил я сына — раньше его поднялся в космос. А с Борисом Валентиновичем мне пришлось работать бок о бок, когда мы тренировались на Черном море в приводнении космического корабля.

Я благодарен моей партии, моему народу, которые дали крылья моим мечтам и стремлениям.

Когда я смотрел на степи за Сырдарьей и видел, как медленно, величаво поднимается красное степное солнце, перед глазами невольно вырисовывались пейзажи родного края и вспоминалось детство: синяя палатка — майхан дед-гуртовщика, воспитывавшего меня с малых лет. Дед и бабушка не дожили до космического полета своего внука. А как жаль! В груди моей зазвучала песня: «Я сын табунщика». Владимир Александрович Джанибеков, словно заметив мое волнение, положил руку мне на плечо и сказал:

— Гур, взгляни на космодром. Постараемся представить, что у нас впереди.

Космодром находился совсем недалеко, однако нашего корабля «Союз-39» не было видно. Но перед глазами у меня стояли его величавые очертания. Сердце наполнялось радостью от мысли, что мы отправляемся в космическое путешествие на таком вот гиганте мощностью 20 миллионов лошадиных сил. Гордо стоит он среди стальных узорчатых опор. В верхней части его крупными буквами выведены слова — «СССР», «Союз-39».

Сколько гениальных человеческих мыслей, сил, смелых желаний и устремлений потребовалось для его строительства! Думая о ракете, я невольно запел монгольскую народную песню «Солнце милой планеты». Я с детства любил петь и пел как будто неплохо — так, по крайней мере, считали в школе. И командиру экипажа нравилось, когда я напевал народные мелодии.

С легкой руки Юрия Алексеевича Гагарина космонавты называют Землю «Голубая моя планета». И в этом есть

свой резон. Это название созвучно с названием нашей народной песни «Солнце милой планеты».

Прошлой осенью мы впервые приехали на Байконур. 18 сентября видели, как «отчаливали» на корабле «Союз-38» Ю. В. Романенко и кубинский космонавт Тамайон Мендес. Отрыв космического корабля от земли — зрелище невероятное, потрясающее. Опоры-башни с причудливо-космическими узорами осторожно и плавно раздвигаются, открывая огромное стальное тело ракеты. И там, на стыке ракеты с землей, еще сдерживаемая, глухо напирает колоссальная энергия, выбрасываются огромные клубы дыма. Вот в середине появляется бело-оранжевое пламя, и от мощного раската дрожит бескрайняя степь, сливаются воедино земля и небо. В следующее мгновение языки пламени как бы пытаются поглотить корабль. Но он уходит, медленно и будто устало отрываясь от платформы. Ферма предстартового обслуживания ракеты чуть-чуть пошатывается и, кажется, вот-вот упадет. В этот самый момент снова раздается оглушительный гром, и корабль улетает, оставляя за собой красно-оранжевый огонь и все быстрее набирая скорость. Грохот стихает, и ракета исчезает из виду...

Недалек тот день, когда полетим и мы. Ведь теперь мы сами готовимся к полету.

Сегодня 22 марта 1981 года, воскресенье. Входим в кабину корабля. Много дней мы тренировались на модели корабля, детально познакомились с ним на сборочной площадке. Тысячи «сосудов» из самых различных сплавов пробегают по телу корабля. Электрооборудование, систему управления и многие приборы мы уже знали наизусть и могли работать почти автоматически, не теряя ни минуты.

Сейчас четко осознаешь, что ты стал вроде частицей единого организма — корабля. Мои сосуды пульсируют в такт с «сосудами» ракеты. Исчезла четкая грань между понятиями живого и неживого организма.

17 часов по московскому времени. Через несколько минут мы стартуем. Ненужные мысли ушли, в голове четко вырисовывается только одно слово — «РАБОТА». За три года тренировки я научился управлять своим телом, лучше использовать резервные возможности организма, особенно в экстремальных ситуациях; был выработан мой адаптационный биоритм применительно к космическим условиям. Все должно поддаваться подсчету, сознанию. Конечно, организм человека не может изменяться по желанию. Однако сила психологического воздействия неиссякаема. Коротко говоря, нужно верить в себя и других.

Тогда, в предстартовый период, все было втиснуто в рамки космических измерений, которые весьма отличны от наших земных... Войдя в специально отведенную комнату, я надел скафандр, через стеклянную стену отдал рапорт государственной комиссии, попрощался с друзьями и, сев в автобус, прибыл на стартовую площадку. Поднялся на лифте до головной части ракеты и, приостановившись на миг, в последний раз окинул взором степь, ставшую оранжевой под лучами вечернего солнца. Все это истислялось в космических измерениях, то есть самыми короткими мгновениями. Перед началом отсчета времени, проверяя связь корабля с Землей, попрощался с друзьями: «До свидания, Гана! До встречи!» Кажется, маленький комок подкатил к горлу. Из Центра управления полетами сообщили, что В. П. Савиных и В. В. Коваленок подготовили комплекс «Союз-Т4» и «Салют-6» к приему «Памиров». Душа моя пела и ликовала. Ну что же, человек так устроен, что ему иногда трудно скрыть душевное волнение. Но все это ничуть не повлияло на мой пульс, частота которого не превышала 67 ударов в минуту. Мать моя часто говорила, что меня трудно испугать. И эта черта, свойственная мне с детских лет, должна была помочь и теперь, при полете.

«Отец, мать, братья мои и сестры, до скорой встречи! Я вернусь очень скоро!» — мысленно сказал я. Наверное, я должен сказать слово родине, народу своему. Ведь мир хочет услышать голос первого монгольского космонавта. И я сказал:

— Дорогие товарищи!

Мне, монгольскому коммунисту, гражданину Монгольской Народной Республики, оказана высокая честь совершить космический полет в составе международного экипажа на советском космическом корабле «Союз-39» и орбитальной станции «Салют-6».

Этот полет — знаменательное событие для нашей страны, за короткий исторический срок прошедшей путь от феодализма к социализму, яркий пример торжества ленинской дружбы монгольского и советского народов.

Я испытываю чувство огромной радости и гордости за то, что моя родина вместе с другими социалистическими странами принимает активное участие в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях...

Докладаю: к полету в составе международного экипажа на космическом корабле «Союз-39» готов, приложу все свои силы и знания для выполнения доверенного мне почетного задания.

В Музее-квартире
В. И. Ленина в Кремле

У памятника
С. П. Королеву

Отработка приводнения

После тренировки

И тут мне вспомнились слова, которые произнес Юрий Алексеевич Гагарин двадцать лет назад перед тем, как взмыть в космическую высь. Слова эти я знаю наизусть:

«...Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением... Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты... Сами понимаете, трудно разобратся в чувствах сейчас, когда очень близко подошел час испытаний, к которому мы готовились долго и страстно. Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории полет. Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем?.. Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня. Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос... Назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим. И если тем не менее я решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей...»

Каким душевным трепетом наполняют нас эти простые слова первого в мире космонавта, какие в них несокрушимые вера и мужество! В них сила характера человека, воспитанного в боевых рядах партии Ленина, человека Страны Советов, первой в мире построившей социалистическое общество. Да! Мы воспитаны людьми, которые могут совершать героические поступки, выполняя задания партии и народа. Наша партия, наш народ открыли передо мной дорогу в космос. Шестьдесят лет сражений за правое дело, борьбы за создание нового общества, монголо-советская дружба, основанная на нашем идейном единстве и братском сотрудничестве, — вот что вывело нас на космические пути.

И через несколько минут я должен сделать все для того, чтобы оправдать надежду и доверие своего народа и партии, моих отца и матери, братьев и сестер, друзей моих, ко-

торые всматриваются сейчас в звездное небо, пытаюсь разглядеть в нем космический корабль.

— Объявляется минутная готовность! — слышался спокойный, даже добродушный голос руководителя полета.

Командир корабля положил руку в скафандровой рукавице мне на плечо, молча кивнул и улыбнулся. 17 часов 58 минут по московскому времени. Стрелка часов отсчитывает последние секунды. Я про себя считаю: «Пять, четыре, три, два...»

— Подъем! — прозвучала знакомая команда, и ракета вздрогнула, снизу донесся нарастающий гул.

— До свидания, друзья! До скорой встречи! — успел я сказать при взлете.

Глава вторая

ПРИТЯЖЕНИЕ КОСМОСА

Через 530 секунд после того, как мы оторвались от Земли, наш «Союз-39» вышел на орбиту. Какое необыкновенное ощущение испытываешь, вдруг потеряв под ногами привычную земную опору и очутившись в мире невесомости! Глядя в иллюминатор, так и хочется воскликнуть: «Планета моя! Голубая моя планета!»

Родился я в юрте кочевника в степных просторах моей земли, там сделал свои первые шаги, там осознал себя равным среди друзей и впервые увидел необыкновенную красоту окружающего мира.

В земных измерениях мир казался мне тогда безбрежным и громадным.

А теперь?.. С этой космической высоты он предстал передо мной как небольшой разноцветный шарик. «Я в мире разноцветном не случайный гость», — сказал когда-то наш замечательный поэт. Да, действительно, мир наш разноцветен.

Как же мы, рожденные на земле, сумели подняться над ним и вырваться в неведомый космический мир? Люди во все времена были охвачены страстным желанием покорить межзвездное пространство. И как бы Вселенная своей бесконечностью и безграничностью ни пыталась напоминать человеку о его незначительности и ничтожности по сравнению с ней самой, он сумел одолеть ее непокоренные дали.

Наш корабль несется вокруг Земли со скоростью восемь километров в секунду. Невозможно даже представить себе, что за какие-то восемьдесят с чем-то минут он облетит весь земной шар. Однако человек уже начал не только подчинять своему сознанию такие невозможные ранее явления, но и управлять невиданными скоростями и расстояниями. Недаром же наши аксакалы говорят: что объято умом человека, будет объято и руками его.

На Земле день сменяет ночь за 24 часа, здесь же, в

космосе, за сутки мы 17 раз встречаем утреннюю зарю и провожаем вечерний закат. Так земное время поглощается скоростью созданного разумом и руками человека космического корабля. И если представить, что мы отправились к далеким планетам, то уменьшение суток в 17 раз, по теории относительности Эйнштейна, будет нас значительно омолаживать. Так что мы летим с омолаживающей космической скоростью. Однако же оторвемся от этих абстрактных рассуждений и снова пристально посмотрим через иллюминатор на нашу родную планету.

Все космонавты, начиная с Юрия Алексеевича Гагарина, подробно описывали, как выглядит Земля с борта космического корабля. А у Алексея Архиповича Леонова, первого землянина, вышедшего в открытый космос, есть даже космические рисунки.

Первый человек, вышедший в межзвездную пустоту, наш хороший и добрый друг. Я мог бы много о нем рассказать. А сейчас я жадно всматриваюсь в нашу планету с космической высоты, столь верно и красочно изображенной Алексеем Архиповичем. Тридцать три земных весны повстречал я, а вот сейчас лечу навстречу своей космической весне. И хотя не бывает ее, космической весны, как таковой, все равно на душе становится тепло от весенне-космических дум.

Первый космический день сменяется ночью. Далеко внизу темнеет и как бы мерцает Земля. Несмотря на закрывающие Землю облака, она отчетливо видна. Можно себе представить, на какой мы летим высоте, если ясно видим шарообразность нашей планеты, составляющей по экватору ни мало ни много сорок тысяч километров. И в то же время по земным меркам наша высота — около 300 километров — может показаться незначительной. И если не судить по космическим меркам, то наша планета смотрится из космической выси действительно как небольшой шарик, а ласковое название «Голубая моя планета», которым все космонавты величают нашу Землю, еще раз напоминает, что она у нас одна, что судьбы человеческие едины в ней, что нет иного пути у человечества, кроме как жить в мире и согласии. И может ли на самом деле человек, побывавший в космосе, думать иначе?

На наших глазах солнце стрелой слетело за синеющий горизонт, соединивший землю и небо. Вот оно как бы растворилось в пелене стыка, и небо озарилось палевым сиянием. На землю вскоре опустились сумерки, и сияние погасло.

Полусфера Вселенной мерцала звездным небом. Глядя на немигающие, словно застывшие алмазы, звезды, я представил, что кому-то на Земле, взглядывавшемуся в ночное небо, наш корабль может показаться сверкающей непадающей звездой. Может быть, в этот момент в местечке Хайласт мои отец, мать, младшие братья и сестры, выйдя из юрты, выскивают в темном небе наш звездный корабль и произносят про себя: «Счастливого дороги и счастливого возвращения на Землю, Рагча!» И я горд, что лечу сейчас, бороздя космическое пространство посреди 88 созвездий, доступных взору человека. Верно говорил Юрий Алексеевич — при этом испытываешь ни с чем не сравнимое счастье. И как же не радоваться и не восхищаться мощью и гением человеческого разума?!

Через сорок минут стало светать. Видимая часть планеты окрасилась в палевый цвет. Затем над Землей загорелись, взметнулись ввысь все цвета радуги. Яркое радужное сияние скрыло темную пелену мерцающих звезд. Это и есть граница дня и ночи. Как только наш корабль миновал эту полосу, палевые цвета сменились прозрачно-голубыми. И снова вырывается вздох: «Голубая моя планета!» Глядишь вниз и видишь как бы меняющиеся один за другим кинокадры: хребты гор, озера, океаны и моря — короче, всю матушку-Землю. А в девять утра вспыхнуло полярное сияние. Иаумительное зрелище! Над горизонтом пространство высвечивалось полосами черного, фиолетового, темно-голубого и светло-голубого цветов. А с Земли мощнейшими прожекторами поднимались ввысь лучевые светло-палевые потоки.

Я не выдержал:

— Командир! Смотрите, как удивительно красиво!

А он, не один раз видевший все это, посмотрел на меня со своей мягкой улыбкой и произнес:

— На самом деле, это необыкновенно красиво. Ради этой красоты стоит лететь в космос!

Что верно, то верно. Человек всегда стремился познать тайны и чудеса природы. А любознательность, интерес ко всему окружающему — не только прекрасная человеческая черта, но и неотъемлемая особенность человека, посвятившего себя делу покорения космоса. Но что же такое космос, в чем сила его притяжения? Думаю, не ошибусь, если скажу, что влечение человека к звездам берет начало с детской любознательности, с простого любопытства. Человечество издавна, с незапамятных времен, взглядываясь в звезды, в темнеющие пятна лунной поверхности, задава-

лось вопросом: «А нет ли там разумных существ, похожих на жителей Земли?» Люди пытаются найти братьев по разуму и на других планетах и восхищаются легко взмывающими ввысь птицами, сочиняют сказания и легенды о полетах человека, стремятся разгадать тайны космоса и планет. Пытливость в познании мира у человека безгранична. Чем больше накапливает он знаний, тем сильнее притягивает его неведомая высь. Так детские мечты и желания, разбуженные сказками и легендами, преобразуются в настойчивое стремление к познанию неведомого — с этого и начинается притяжение космоса.

В детстве, вдыхая тепловатый запах родного кочевья, я вглядывался в мерцающие звезды, усыпавшие черный бархат ночного неба над моими родными горами Хугна-Хан. Легкое поскрипывание снега под копытами коров, ленивое тьяканье старого пса и белый дымок, поднимающийся из тоно юрты, — все это было со мной, и все же я от этой земной теплоты душой устремлялся к чему-то далекому-далекому, неизведанному.

Провожая взглядом вьющийся из юрты дымок, я вглядывался в похожую на ракету остроконечную вершину горы за нашим зимовьем в Рашанте, такую высокую, что мне казалось тогда, будто она почти достигает своим пиком созвездия Семи Богов, так мы называем созвездие Большой Медведицы. Мне часто хотелось забраться на эту вершину-ракету и отцовским укрюком достать до звезд. Да и кто из детей степных кочевий не мечтал об этом, не испытывал желания оставить теплую юрту, взобраться на гору, чтобы оказаться ближе к звездам? Можно сказать, что мечта о звездах — это извечная страсть человека. Может быть, человеку наскучила Земля? Может быть, тесно ему на ней? Нет! Человека влечет страстная жажда познания. Извечное стремление его понять самого себя, окружающую природу и межзвездное пространство привело его к космосу. Да, с первого полета человека в космос началась новая эра на Земле — космическая.

Человеку потребовались тысячелетия, чтобы прийти к знаменательному выводу о том, что он может полететь в космос и к другим планетам. И на основе многовекового опыта, веками накапливавшихся знаний и была создана изумительная космическая техника. Но кому первым открыть дорогу в космос? Это великое дело решалось всем ходом исторического развития. Первым этот грандиозный шаг сделал Советский Союз — страна с самым передовым в мире социалистическим строем. Мы все помним слова

Юрия Алексеевича Гагарина перед стартом корабля «Восток». За прошедшие после первого космического полета двадцать с небольшим лет, то есть за первый короткий отрезок космической эры, сделано удивительно много. Прошло всего двадцать четыре года со времени запуска первого советского искусственного спутника Земли. А сейчас я уже лечу сто первым космонавтом Земли на корабле «Союз-39». Завтра будет стыковка с советской станцией «Салют-6».

На околоземной орбите вращаются сейчас сотни искусственных спутников самого разного назначения. Более того, человек от ближнего космоса уже прорывается к космосу дальнему, к планетам Солнечной системы, на поверхность которых не раз уже спускались автоматические станции с точнейшим оборудованием, способными передавать телеизображение из космической дали на миллионы километров. Советские луноходы, управляемые с Земли, делают снимки лунной поверхности, передают их на Землю, проводят детальные исследования с высокой лабораторной точностью. На раскаленную до 400 градусов поверхность Утренней звезды мягко опускаются станции «Венера», проводящие исследования ее атмосферы и поверхности и передающие данные на Землю.

Космические станции достигли и планеты Марс, к которой в стихах обращался наш великий поэт Дашдоржийн Нацагдорж. Американские астронавты Нил Армстронг и Эдвин Олдрин впервые в истории человечества посетили Луну и, проделав путь в миллион километров, вернулись на родную землю. Советский космический корабль «Союз» осуществил на орбите стыковку с американским «Аполлоном», и космонавты двух держав обменялись рукопожатиями в космосе.

Какой же все-таки скачок совершен в развитии техники за двадцать лет! Однако ныне все это кажется уже привычным, обыденным. Влечение человека к звездам, к высям голубого купола мироздания уже не абстрактно, а его представления о возможности сделать силою своего ума космос обитаемым и обжитым вполне конкретны. Это неразрывно связано с будущим всего человечества. Благодаря своей дальновидности, постоянному стремлению к новым высотам человек способен сделать космос своей опорой в земных делах. Со временем он еще лучше сумеет понять себя и нашу планету. Да и сейчас уже лучше стал понимать. Когда охватываешь взглядом с космической высоты сразу всю Землю, прежние представления о ее запасах и сокровищах

меняются. Начинаешь по-другому относиться к практическим вопросам использования земных богатств, охраны окружающей среды, взаимоотношения человека и природы. Рождаются и новые, чисто философские мысли и выводы о назначении человека на планете. Космические исследования вдохнули новые мысли и чувства в нашу повседневную жизнь, дали нам понять неразрывность, общность наших судеб с судьбой планеты.

Когда осенью 1962 года космонавт-2 Герман Степанович Титов гостил в нашей стране, мы, учащиеся средней школы сомона Хишиг-Ундэр, написали ему письмо с просьбой, чтобы он в свой следующий космический полет взял с собой кого-нибудь из нас. И хотя еще не настало время для исполнения той сокровенной мечты всех детей, можно утверждать, что космос скоро станет привычной средой обитания человека. Пришло время, подтверждающее слова Циолковского о том, что человек не будет вечно находиться в своей колыбели.

Вряд ли случаен тот факт, что прорыв в космос осуществлен на родине Циолковского. Учитель школы в небольшом русском городке, Константин Эдуардович Циолковский не только предсказал, что человек не вечно будет в своей колыбели — на планете Земля — и что когда-нибудь устремится к звездам, но и заложил основы теории космических полетов и космической техники. Действительно, будет ли человек вечно находиться на Земле? Сам человек не вечен, но человечество? Ресурсы нашей планеты безграничны. Постоянное взаимодействие человека и природы, поступательное развитие человеческого общества будут выдвигать все новые сложные проблемы, связанные с дальнейшим расширением человеческой деятельности по обживанию Земли. Таков закон общественного развития. Но нет вопроса, которого не мог бы решить человек. Естественно, все в конечном счете зависит от того, смогут ли страны и народы нашей планеты, мерцающей в беспредельном космическом пространстве маленькой звездочкой, жить в мире и согласии.

И если подобно советским и американским космонавтам на «Союзе» и «Аполлоне», пусть хоть и на непродолжительное время объединившимся в один экипаж, человечество сможет объединить свои помыслы и дела, то, говоря словами нашего полководца Сухэ-Батора, «не будет ничего, что мы не смогли бы познать и сделать». Только установив на Земле общество справедливости, человечество сможет покорить огромные пространства и донести свою цивилиза-

цию до самых далеких далей Вселенной. Для этого нужно только одно — не допустить атомного пламени над Землей. Приверженцы войны не только готовы ввергнуть нашу маленькую планету в вихрь атомной катастрофы, но и стремятся использовать в военных целях достижения космической техники. Мы думаем о том, как сделать жизнь на Земле лучше и красивее, а генералы из Пентагона озабочены изучением методов применения лазерного оружия из космоса. Разве для этого человек стремился в космос? Мы осваиваем космос для людей, для мира. Мы верим в человеческий разум, в будущее, а поэтому и верим в мирный космос...

Мы с командиром корабля взяли с собой в полет разрезанные пополам ученические тетради в твердой жесткой обложке. Если бы предполагали, что они могут быть выставлены в музее как экспонаты, взяли бы тетради покрасивее. Страницы ученической тетрадки в невесомости и перелистывать несложно, и весят они немного. В космическом корабле каждый грамм груза приходится учитывать. На первых страницах тетрадок по дням расписана программа работы на неделю — всего около 60 видов работ и экспериментов. Все это можно назвать мирной космической работой. Если мы привыкли говорить «мир на земле», то сейчас надо говорить «мир в космосе», «мирный космос». Это ведь уже новое понятие.

Но что же такое космос? Прежде всего, это безвоздушное пространство с минимальной гравитационной силой. Вглядываясь в ночное небо, можно заметить светящиеся области, образованные скоплениями далеких звезд. Их излучения, а также космические лучи, опасные для организма человека, насквозь пронизывают все космическое пространство. Космос как бы наполнен неизмеримой, колоссальной энергией солнечных и космических лучей. И сейчас он полон тайн, пока еще недоступных человеческому разуму. Космос — среда, чуждая землянам. Поэтому освоение космоса — это героические свершения, подобных которым еще не знала история человечества. И космонавты совершают, не щадя жизни своей, полные отваги героические дела ради будущего человечества. Но никогда еще не было героических дел без потерь.

В Звездном городке на гранитном постаменте памятника первому космонавту Юрию Алексеевичу Гагарину всегда лежат живые цветы. У всех космонавтов, возвращающихся после полета в Звездный, стало обычаем приходить сюда с цветами. Этим они как бы рапортуют первому космо-

науту об исполнении своего долга. При возвращении на Землю погибли из-за непредвиденных неполадок в оборудовании достойно исполнившие свой долг космонавты Владимир Комаров, Георгий Добровольский, Владислав Волков, Виктор Пацаев. Какие отличные это были ребята, сколько раз, они могли бы слетать в космос, быть опорой своим семьям, сколько бы они еще принесли пользы Родине!

12 апреля 1980 года Ганзориг и я вместе со своими советскими товарищами пришли на Красную площадь и возложили цветы к Кремлевской стене Юрию Алексеевичу Гагарину и другим космонавтам. То, что погибшие космонавты похоронены в Кремлевской стене, как и герои Великой Октябрьской социалистической революции и Великой Отечественной войны, свидетельствует о глубокой любви к ним Родины и народа, о высокой оценке их свершений.

Я, гражданин МНР, стал сто первым космонавтом планеты. До меня в космическом пространстве побывало ровно сто человек. Придет время, когда полеты в космос станут обыденным делом.

Наши внуки по заданию человечества отправятся в полет к далеким звездам. Да, «задание человечества» — такое понятие появится в ходе освоения космического пространства. Человек стремится все выше в небо. Но Землю свою он не покинет. Если же в необозримом будущем ему все-таки придется сделать это, он воздвигнет ей величественный памятник как колыбели человечества и цивилизации.

К 23 апреля мы уже облетели Землю четыре раза. В состоянии невесомости мы поели, отдохнули и подготовили корабль к стыковке со станцией «Салют-6». Доложили Центру управления полетами, что самочувствие отличное. Я не думал, что так быстро смогу привыкнуть к невесомости. Во время передвижения и работы в отсеке корабля совершенно не ощущаешь своего веса, более того, пульс, как и на земле, 66 ударов в минуту, голова свежая, настроение приподнятое. Я даже напевал песенку о том, как «два сына человечества живут в космосе». Трехлетняя предполетная подготовка сделала меня своим человеком в космосе.

По команде с Земли мы с Владимиром Александровичем точно по времени завершили второй маневр и вышли на орбиту стыковки с «Салютом-6». Теперь стало возможным слышать голоса «Фотонов». Корабль и станция установили между собой связь. В 19 часов 02 минуты была дана команда системе стыковки.

С расстояния приблизительно четырех километров мы отчетливо стали различать станцию.

— «Памиры», вы нас видите? — послышался голос Коваленка.

— Видим. Вас прекрасно видно! — ответили мы с командиром.

Станция «Салют-6» медленно приближалась к нам из холодного, синего, усыпанного звездами космического пространства, ее иллюминаторы сверкали, отражая лучи солнца.

— «Игла» работает хорошо. Видим пламя двигателя вашего корабля. Мы с Витей уже накрыли стол, чтобы встречать дорогих гостей. Если спать захотите, то и кровать готова, — пошутил Коваленок.

— У нас тоже припасены для вас сюрпризы. Везем письма ваших жен.

— Вот спасибо! Как только услышали про письма наших жен, так «Игла» сразу заработала еще лучше, — засмеялись «Фотоны».

Корабль и станция медленно приближались друг к другу. То, что два космических тела, летящих со скоростью 28 тысяч километров в час, находят друг друга в бесконечном пространстве и соединяются — это, конечно, вершина современной научно-технической мысли. Мне вспомнилось, как я не только с гордостью, но даже, если можно так сказать, с любовью наблюдал с Земли, как медленно сближаются два корабля на высоте сотен километров, в холодном космическом безмолвии, среди немигающих звезд. Это рождало во мне какое-то доброе отношение к умной технике. И вместе с этими лирическими мыслями появлялась уверенность в том, что созданная руками советских людей техника, имеющая отношение не только к космосу, в будущем сделает то, что сейчас кажется недостижимым.

Корабль и станция все ближе и ближе, как бы с помощью какой-то волшебной силы, подплывают друг к другу. Система «Игла» срабатывает, и вот происходит стыковка. Нам остается проверить герметичность переходного шлюза. Когда открыли люк, было 22 часа 40 минут.

— Ну что, Гур, плыви к «Фотонам»! — услышал я слова командира корабля.

Миновав переходной шлюз, врываюсь в просторное светлое помещение «Салюта». «Фотоны» с радостью обнимают меня.

Глава третья

МОЙ ЗВЕЗДНЫЙ ГОРОДОК

Мы, гости с Земли, находимся на орбитальном комплексе вот уже вторые сутки. Передвигаемся в невесомости, питаемся из тюбиков, спим на потолке — вот, пожалуй, чем отличается наша здешняя жизнь от земной. Период адаптации я прошел неплохо. Да и на станции сделано все для того, чтобы человек в космосе не особо чувствовал разницу с земными условиями. Это в высшей степени продуманная и отработанная система, учитывающая всевозможные потребности человеческого организма. Около полуночи настало время спать, и «Фотон» предоставили нам место на потолке — так в монгольской юрте уважаемому гостю отводят для отдыха хоймор — самое почетное место. В невесомости важнее всего быстрее абстрагироваться, забыть, что такое «низ» и что такое «верх». Физически эти понятия неощутимы, но, как рассказывали уже летавшие космонавты, психологически перестроиться удается не сразу. Мне, однако, быстро удалось приспособиться к этим космическим «условностям», и я даже не заметил, как заснул на потолке. Правда, когда проснулся, я почувствовал, что спина как бы немного заоченела.

Восемь часов утра. Приступаем к научно-исследовательским работам на станции. Как записано у нас с командиром в тетради, в первый день нам предстоит работа под названием «воротник». Мышцам шеи необходимо дать нагрузку для защиты при резких движениях и поворотах головы. Но мне не было необходимости надевать «воротник». И не потому, что мой организм никак не реагировал на чуждую нам космическую среду, а исключительно благодаря трем годам упорных тренировок.

Три года, проведенные в Звездном городке, я вспоминаю сейчас как самые светлые дни моей жизни. Эти три года — праздник, который навсегда, на всю жизнь со мной. Мы старались оправдать доверие партии, нашего народа, выполнить свою работу как можно лучше. С самого начала я

осознавал, что попал в экипаж космического корабля не из-за каких-то необычных своих способностей, а в силу удачного стечения обстоятельств, волею случая, что ли. Когда три года назад весной в соответствии с программой «Интеркосмос» начался отбор монгольских летчиков, я был простым инженером в летной эскадрилье, а космос для меня казался несбыточной мечтой. Но все же годы учебы в Военно-воздушной академии имени Жуковского, появившийся тогда и сформировавшийся устойчивый интерес к вопросам космонавтики, уверенность в том, что сын Монголии непременно должен участвовать в программе «Интеркосмос», — все это способствовало зарождению в глубине души искорки надежды, надежды попробовать себя в этом деле. Говорят же, что мечта, которую постоянно носишь в себе, обязательно исполнится, дорога, по которой твердо идешь, обязательно успешно закончится.

Осень 1977 года. Наши «миги» летают, пропизывая лазурное осеннее небо. Хотя я имею прямое отношение к самолетам, моя профессия «бескрылая», отчего я и завидую друзьям-летчикам, и горжусь ими. За время обучения в академии каких только удивительнейших легенд и рассказов не слышали мы об известных во всем мире летчиках! С каким радостным волнением читал я книги знаменитого французского летчика, писателя Антуана де Сент-Экзюпери, как рвалось мое сердце в небо! И казалось мне, что нет более романтической и интересной профессии, чем профессия летчика. И вот однажды, когда я с неизъяснимым восторгом наблюдал с земли за полетом в небесной выси «мига», вдруг прибежал мой товарищ и сообщил, что меня вызывает командир эскадрильи. Вызывает так вызывает. Пошел. Наш командир сказал, что вызвал меня не он, а министерство обороны республики. «Бери мою машину и поезжай. Наверное, что-то важное случилось». В министерстве меня и нескольких молодых людей из военных и гражданских сразу же направили на медицинскую комиссию. Нам оставалось только догадываться о причинах столь внезапного медосмотра. По здоровью ко мне претензий не было. Эта комиссия, как выяснилось позднее, имела прямое отношение к нашей поездке в Звездный городок.

18 марта 1978 года мы прибыли в Звездный. Все знают, что во время войны бойцы подавали заявления о приеме в партию перед боем. Подобно им мы вступили в ряды МНРП. Мы чувствовали, какая огромная ответственность ложится на нас...

Расположенный в Подмоскowie аккуратный, светлый и

совсем непохожий на другие Звездный городок известен во всем мире как центр современных космических исследований. Здесь находится Центр подготовки космонавтов. Здесь живут и работают ученые и космонавты, члены их семей, тысячи рабочих и сотрудников различных обслуживающих и вспомогательных служб. Однако все эти люди, занятые общим делом, общей заботой, давно сплотились в единый дружный коллектив со своими традициями, привычками и характером. Но это не означает, что космические дела в этом городе заслоняют все земное, все общечеловеческое. В нем также находят место грусть и радость, споры и конфликты, любовь и романтические мечты — все как у других людей. И все же Звездный городок отличается от иных городов мира. За три года жизни в нем мы приобрели много хороших друзей. Научились ценить прелесть праздничных дней и часов после рассчитанной по минутам упорной работы, стали настоящими членами космического братства. Как хорошо думать и знать, что Звездный городок — это мой город, мой дом. Я и сейчас отчетливо вижу его площади и улицы, ровные ряды красивых белых домов, в которых допоздна не гаснет свет, юных прелестных девушек, удобные праздничные кафе, парикмахерскую, фотоателье, небольшое озеро с гордыми лебедями, тропинки на окраинах городка. Когда утром идешь к учебному центру, тебя окружают детские голоса, легкие шаги торопящихся на работу людей, то тут, то там слышны в их разговорах знакомые технические названия и термины. Все стало таким привычным.

И снова вспоминается наше удобное теплое зимнее кочевье в местечке Рашант у гор Хугна-Хан — земля, с которой я кровно связан, моя родина. Но и находящийся за тысячи и тысячи верст от нее Звездный городок, как и моя родина, близок и мил моему сердцу. Хоть и далекая, не родная вроде бы земля, но иноземцем себя не ощущаешь. И помыслы у нас у всех едины, и характер советских людей, к которым я привык как к родным братьям, что во Фрунзе, что в Москве, что в Звездном городке, близок и понятен всем нам. В каком бы уголке Советской страны мы ни бывали, всюду чувствовали себя своими людьми.

Вот так я и стал считать Звездный городок своим. Три года не такой уж большой срок. А для меня они пролетели стремительно, как стрела. Весной 1978 года мы с Ганзоригом прибыли в Звездный городок, получили ключи от полностью подготовленных для нас квартир. Буквально со следующего дня как ни в чем не бывало приступили к за-

нятиям и, по словам русских товарищей, чувствовали себя как рыба в воде. Да, впрочем, что здесь удивительного? Я в Москве в академии Жуковского, Ганзориг в Киеве, в политехническом, провели добрых пять-шесть лет, так что наша новая жизнь показалась нам возвращением в студенчество. Только вот измерения во всем теперь стали у нас космическими.

В семью космонавтов мы вошли, можно сказать, постуденчески. Разница лишь в том, что с нами уже были жены и дети. Быстро и легко сошлись мы с новыми друзьями, ставшими для нас братьями. Нашими добрыми товарищами сразу же стали советские космонавты Леонов, Джанибеков, Ляхов, Горбатко, подружился мы с вьетнамцем Туаном, кубинцем Тамайо, венгром Фаркашем и многими другими. Космонавты очень щедры на дружбу, люди они притягательные, доверчивые, любящие добрую шутку и довольно-таки спокойные. Может быть, потому, что космос предъявляет к человеку больше суровых требований, чем Земля. И без всякого преувеличения можно сказать, что космонавты — люди испытанные и закаленные.

Поначалу войти в ритм ежедневных занятий и тренировок было нелегко. Собственно, изучение космической техники и теории космонавтики мало отличалось от занятий в академии. Лекции читают известные ученые, специалисты по космонавтике. Самое главное, что требовалось уяснить для себя раз и навсегда, — в космосе ни для кого нет никаких поблажек, космонавтика требует напряжения всех духовных и физических сил. В конечном счете все решает сила воли. Вообще, я думаю, что возможности применения всех своих сил и способностей для достижения задуманного, намеченного зависят от силы воли человека. С самого начала нужно полностью подчинить свое поведение строгому режиму. Нельзя терпеть неповоротливости и беспечности, но и торопиться тоже не следует. Космос — поле деятельности для самых дисциплинированных, самых организованных людей. Там все измеряется на микроны. Даже самая маленькая ошибка непростительна. Благодаря нашим учителям и опытным товарищам мы усвоили эту истину как первостепенную в нашей работе.

С этого и начались незабываемые дни в Звездном городке. Утром — занятия в учебном центре, лекции, днем — тренировки. Космонавт должен быть в высшей степени развитым и закаленным человеком. Поэтому физические упражнения для нас были что хлеб и вода. И если в космосе некоторое время можно обойтись без пищи и воды, то

без движения, без нагрузки для мышц никак нельзя. Так что ежедневные спортивные тренировки стали нормой нашей жизни. К тому же мы с Ганзоригом пристрастились к футболу, играли в него до иступления, как на настоящих соревнованиях. Кто-нибудь, посмотрев со стороны, мог сказать: «Гоняют мяч до изнеможения, как дети!» Но нам это ох как пригодилось! На земле мы работали как бы в искусственных космических условиях: тренировали вестибулярный аппарат, занимались на кольцах и брусках, чтобы легче потом было привыкать к невесомости, применяли велоэргометр, многие часы провели на вращающемся кресле. Занимались подводным плаванием, совершали затяжные прыжки с парашютом, полеты на сверхзвуковых реактивных самолетах. Стоит ли говорить, как благотворно сказались эти занятия на нашем облике, на нашей физической подготовке. Хотя человеческий организм имеет определенные ограниченные резервы для жизни в разных или совершенно новых для него условиях, от самого человека зависит диапазон этих ограничений. У нас о характере, о норове говорят: «И иноходью не каждый конь ходит, и у всякого человека есть свой нрав». Но разница у людей, конечно, не только в чертах характера, но и в биологическом потенциале, в физических возможностях организма. Я был уверен, что организм монгола ввиду резкого климатического перепада температур, особенностей питания, условий жизни должен отличаться выносливостью и биологическим потенциалом. Ведь верно, что у степных жителей даже зрение весьма острое. Да и может ли быть иначе, если с того самого момента, как ребенок впервые открыл глаза, он видит высокое голубое небо и бескрайние широкие степи.

Врачи удивлялись большой выносливостью нашего Ганзорига, когда проводили упражнения на испытание его вестибулярного аппарата. Может быть, эта выносливость оттого, что мы, дети пастухов, с малых лет привыкли к быстрым скачкам на коне, с детства умеем управлять скоростью и движением? То самое злополучное вращающееся кресло ох как напоминает езду на норовистом скакуне! Таким образом, то, что мы получили в детстве, пригодилось нам теперь. Кто бы мог подумать, что мое умение с пяти-шестилетнего возраста держаться на скачущем коне очень поможет мне во время подготовки к космическим полетам? А ведь в какой-то степени действительно помогло. У нас был добрый гнедой конь по кличке Ундур. Одна беда — как завидит юрту, так начинает брыкаться и бросаться из стороны в сторону.

Каждый год я на нем принимал участие в сомонном надоме. Отец всегда наказывал мне, чтобы я до самого финиша шел на гнедом наравне с первым всадником, не спешил вырываться вперед. Но однажды я не сдержался, прищпорил гнедого и пошел на обгон лидирующего всадника. До финиша было еще далеко, а вот юрта наша находилась как раз возле дороги. Ну, наш гнедой закусил удила и во весь опор понесся к ней. Так что первым я прибыл не к финишу, а к родной юрте... Вообще же, представить детей монгольских скотоводов без коня невозможно. Да и городские ребяташки зачастую неплохо держатся в седле. Помнится, после окончания четвертого класса я вместе с дедушкой летом верхом на Ундуре отправился в Улан-Батор. Так я первый раз оказался в городе. Остановились мы у знакомых, чья юрта находилась на склоне горы неподалеку от монастыря Гандана. Немало интересного увидел я тогда с дедушкой в Улан-Баторе за короткое время.

В один из дней, когда я выпасал Ундур на возвышенности Тасган, прибежали несколько сорванцов — моих ровесников и стали просить меня разрешить покататься на коне. Я сказал, что дедушка будет ругаться, и не разрешил. Дедушка всегда наказывал мне, чтобы я был поосторожисе, а то городские хулиганы оседлают коня — и поминай как звали. Но ребята те на хулиганов явно не были похожи, да и просили так настойчиво, чуть на колени не становились. Мне даже приятно стало, что городские ребята меня так спрашивают. И вот один паренек вынул из-за пазухи красивую свистульку и предложил мне в обмен за разрешение прокатиться на коне. Ну, я не удержался и дал ему коня. Парнишка, что предложил мне свистульку, оказался проворным малым, оседлал коня и поехал сначала тихой рысью, а потом осмелел и поскакал в сторону от возвышенности Тасган и исчез среди хашанов и домиков. И вот не слышно его, не видно. Я забеспокоился. А вскоре он без коня появился из-за домов и сказал, что конь понес, удержать его не удалось и он ускакал. Я бросился на поиски Ундур, но поблизости его не оказалось. Я решил, что он умчался в сторону родных степей, и прошел пешком до местечка Толгойт, до мясокомбината, но нигде никаких следов не обнаружил. Поискал еще на окраине города недалеко от Толгойта и, отчаявшись, вернулся в юрту знакомых, у которых мы остановились. Дедушка был сильно обеспокоен моим долгим отсутствием, но, узнав причину, успокоился и сказал, что у коня нет другого пути, кроме как в сторону родных степей. И верно, назавтра дедушка

пашел Ундур в местечке Баян-Цогт, недалеко от родных мест.

И вот теперь, в полете, я снова вспомнил эту забавную историю о том, как однажды в детстве дал мальчишке прокатиться на своем коне. Да, даже тут, в космосе, вспоминаются кони, возле которых ты вырос, почувствовал себя взрослым. Между минутой, когда человек впервые оседлал коня, и минутой, когда он сел за пульт управления космическим кораблем, лежит невообразимо длинный отрезок времени. И все-таки понятия «человек» и «копь» и сегодня неотделимы друг от друга. Ныне, когда во все сферы нашей жизни мощной поступью вошла современная техника, находится достаточно людей, считающих верховую езду устаревшим видом передвижения. Но можно ли отвернуться от коня — друга детства рода человеческого? Из-за загрязнения воздуха, нехватки горючего в настоящее время в индустриально развитых странах порой раздаются голоса, призывающие к более широкому использованию лошадей в поездках на короткие расстояния, изобретаются и даже демонстрируются на выставках искусственные «кони». Кто знает, возможно, и в далеком будущем, когда на скорости, близкой к скорости света, человек начнет свой долгий путь к отдаленным звездам, для поддержания экологического баланса в городах лошадь все еще будет использоваться как транспортное средство.

Немалые экологические проблемы ставит перед нами освоение космоса, и в частности вопрос о том, куда девать «орбитальный мусор» — остатки многих тысяч отслуживших свой век космических аппаратов. В дальнейшем, естественно, этот вопрос будет ставиться еще острее. Космические исследования подняли на доселе невиданный уровень возможности эффективной охраны окружающей среды, что и стало одной из главных причин того, почему мы спешим с освоением космоса. Наблюдения, фотоснимки с орбиты помогают своевременно определить очаги пожара, эффективно проводить борьбу с насекомыми — вредителями лесных массивов, устанавливать границы и скорость передвижения песков, следить за состоянием рек, озер, морей, степенью загрязнения атмосферы крупных городов. Кроме того, с их помощью можно успешно проводить поиск перспективных залежей полезных ископаемых, точнее делать прогноз погоды, находить оптимальный вариант для прокладки железных дорог, шоссе и трубопроводов. Все это указывает на то, что космические исследования в мирных целях помогут внести огромный вклад в ускорен-

ное развитие народного хозяйства и быть величайшим резервным источником экономии. На все это и была направлена работа на нашей станции «Салют-6».

Программа «Интеркосмос» объединила усилия многих народов, чем и была весьма полезной. Мы, к примеру, использовали различные приборы, изобретенные учеными, специалистами из Болгарии, ГДР, Кубы, Монголии. Счетчик космических лучей молодого монгольского ученого был оценен специалистами как прибор, соответствующий высоким требованиям современности. В целом многие программные мероприятия этого полета были подготовлены нашими учеными в сотрудничестве с коллегами из других стран или же самостоятельно, что вызывало у нас законную гордость. Наши физики, астрономы уже 20 с лишним лет наблюдают за искусственными спутниками Земли, с успехом проводят различные исследования. В нашей стране сформирован довольно крупный отряд ученых и специалистов. Большинство из них учились и совершенствовались свои знания в ведущих учебных заведениях Советского Союза. Было время, когда мы недооценивали свои возможности, не верили в то, что сможем наравне с другими покорять научные высоты. Это было пережитком отжившего образа мышления, пагубным следствием отчужденности от окружающего мира. Благодаря проведенной под руководством Монгольской народно-революционной партии подлинной культурной революции устранено предвзятое отношение к науке. Каждый монгол получил возможность постигать тайны природы, приобщаться к сокровищнице человеческой цивилизации, учиться и совершенствовать свои знания. Каждому жителю нашей страны стали небезразличны события, происходящие на других континентах.

Интернационализм, устранивший национальные предрассудки, вселил в нас веру в наши творческие сознательные силы. Свидетельством тому стали, в частности, открытия наших ученых в различных областях науки, активное их участие в программе «Интеркосмос».

Ныне мы готовы проводить углубленные исследования, аргументированно отстаивать свои взгляды в многочисленных научных дисциплинах.

В течение тех трех лет, что мы с Ганзоригом провели в Звездном городке, мы старались перенять многие качества, присущие советским людям, скромным, отзывчивым и бескорыстным, всегда готовым прийти на помощь другим. Все это очень помогало нам в нашей работе.

«Если с человеком хорошим поведешься, месяц светлый твой путь озарит» — гласит монгольская народная пословица. Жить и работать по примеру друзей-космонавтов было для меня настоящим счастьем. Трое моих товарищей, вместе с которыми мы находились теперь на станции «Салют-6», кажутся ныне неразлучными братьями. С такими друзьями выстоишь в любую бурю.

Душа советских космонавтов широка и открыта. Простота их в обращении с людьми особенно пленяла меня. Незабываемы дни, проведенные в Звездном городке. И когда приближался час старта, когда время отсчитывалось мгновениями, я все отчетливее понимал, какие это были удивительные дни — период наивысшего в моей жизни творческого взлета. И надо же, чтобы именно тогда едва не случилось несчастье — вопрос о возможности моего полета повис в буквальном смысле на тонкой ниточке. Тогда-то, в трудный для меня час, я всем сердцем понял, что такое локоть друга.

Случилось это неожиданно в середине декабря 1980 года. До полета оставалось всего несколько месяцев. Космонавты ежедневно проходили медосмотр. Никаких недомоганий, кроме некоторой сухости в горле, мне никогда не доводилось замечать за собой. Но именно это явление и встревожило врачей. Волновались они не напрасно. У меня началось воспаление щитовидной железы, и пришлось лечь в московский Главный военный госпиталь имени Бурденко.

После тщательных анализов мне сообщили, что для спокойствия оснований нет. Но как же было не беспокоиться, если мучила мысль о том, что после трех лет напряженной подготовки все старания и усилия могли вдруг оказаться напрасными! Хоть болезнь, как говорится, «приходит не стучась», какое же все-таки это невезение — споткнуться вот в такой момент! Находясь в госпитальной палате, я думал о том, что необходимо взять себя в руки и крепить волю, как некогда раньше. И вспомнил я тогда о Николае Островском, его книге «Как закалялась сталь», прочитанной еще в начальных классах. Да, Павка Корчагин, находясь в неизмеримо более трудных по сравнению с моими условиях, нашел в себе силы подняться, влиться в ряды борцов, устоять под ударами судьбы. Это и есть пример настоящего героя, революционера. А ведь наши отцы и деды тоже были революционерами, и, следуя их заветам, мы должны быть достойными их. А без этого нет борьбы. Но надо ли думать о столь высоких материях? Да, надо! Ведь

стоит только сникнуть, расслабиться, как болезнь одолсеет тебя и придется распротиться с мыслью о полете в космос. По правде говоря, никогда раньше не приходилось мне попадать в столь сложное положение. И потому это был для меня первый экзамен на стойкость духа. Главное — перебороть себя. Безвольному и ленивому человеку даже самая маленькая преграда не под силу.

Вспоминались мне и произведения Сент-Экзюпери. На мой взгляд, люди иногда недооценивают роль художественной литературы в жизни. Об этом, помнится, в прошлом году и был наш разговор с Владимиром Александровичем Джанибековым и Ганзоригом, когда мы в день рождения великого поэта А. С. Пушкина шли с цветами к его памятнику в Москве. Говорили о том, что замечательные его произведения с малых лет озаряют нас, помогая смотреть на мир вдохновенно и с глубокой теплотой.

В одном из произведений Сент-Экзюпери есть эпизод, где рассказывается о том, как он однажды переборол себя. Его загруженный почтой самолет совершал полет через Анды, как вдруг откуда ни возьмись со стороны Тихого океана налетел страшный вихрь, который поднял маленький самолетик на большую высоту. Взмыв вверх, самолет как бы застопорился в воздухе — мотор не мог преодолеть силу встречного ветра. Чуть в сторонку — и его швырнуло бы на острые скалы. Летчику ничего не оставалось, кроме как ждать в таком вот положении, пока не стихнет буря или не иссякнут скудные запасы горючего...

За жизнь летчика отвечали только его руки, намертво вцепившиеся в штурвал. «Скоро стихнет буря. И ты должен выстоять, — думал он. — Человек не должен отступать перед силами природы, какими бы непреодолимыми они ни казались». Так и случилось. Вскоре вихрь стих, и он смог продолжить свой путь. Читал я и наяву представлял себе то нелегкое противостояние маленького самолетика слепой, разрушающей силе стихии.

Мои товарищи космонавты Джанибеков, Ляхов и Ганзориг пришли навестить меня. Они подбодрили: все будет хорошо. Я понимал, что мое состояние особенно сильно беспокоило Ганзорига. После трех лет совместной работы мы отлично знали друг друга. Быть космонавтом-дублером нелегко. Пройдя все без исключения стадии тренировок, прийти затем вместе на стартовую площадку, чтобы остаться внизу и проводить взглядом корабль, который, набрав скорость, исчезнет в космической синеве. Но такова судьба дублера. Так было и в самом начале звездной эры, когда

готовились к полету Гагарин и Титов. Я твердо знал, что мой товарищ Гана не лелеет втайне мечту о том, чтобы я остался. Это было ясно видно по его взгляду. В таких ситуациях человеку трудно скрыть душевное волнение.

Врачебная комиссия приняла решение о необходимости срочного хирургического вмешательства, и 30 декабря, как раз в канун Нового года, была сделана операция. Провел ее заслуженный врач РСФСР Герой Социалистического Труда Михаил Федорович Гулякин.

Так Новый год мне пришлось встретить на госпитальной койке. Ко мне приходили друзья, жена и сын. Пришел генерал-майор Леонов — человек откровенный, чистосердечный, любящий острое слово и шутку. Приоткрыв дверь в палату, он своей доброй улыбкой вмиг озарил приунывшую было комнату, и на лицах засияла ответная улыбка, вернулись радость и веселье.

— С Новым годом, браток! — сказал Алексей Архипович. — Встреча Нового года в госпитальной палате явление нечастое. Желаю скорейшего выздоровления и полета в космос в наступающем году!

Дело быстро пошло на поправку. К удивлению врачей, шов довольно скоро затянулся.

Так Звездный городок поддержал меня в самый трудный час. И потому я могу с полным основанием сказать, что Звездный городок — это город моих друзей, мой город.

Перед отлетом на Байконур два наших экипажа пришли на Красную площадь, чтобы возложить цветы к Мавзолею В. И. Ленина — прекрасная традиция, заложенная еще Юрием Алексеевичем Гагариным.

Стоя перед Мавзолеем Ленина, в глубине души я поклялся достойно выполнить свой долг, чтобы поднять до космических высот братскую дружбу монгольского и советского народов, идущих плечом к плечу вот уже более шестидесяти лет. От всего сердца мне хотелось выразить глубочайшую благодарность родине, партии, своему народу, людям Страны Советов за высокое доверие, оказанное мне.

Глава четвертая

ПРИТЯЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

Четверг 26 марта на борту орбитального комплекса был объявлен днем Монгольской Народной Республики. Первый день Монголии в космосе! Может быть, кому-нибудь такое объявление покажется формальным, условным. Однако этот день не только праздник первого полета в космос монгольского гражданина, но и день научно-исследовательской работы, четко и заранее продуманной и спланированной на земле. Кроме осуществления экспериментов под названием «Поляризация», «Излучение», «Эрдэнэт» 26 марта будет вестись работа по фотографированию и изучению территории Монголии.

Хотя наша родина с севера на юг, по ходу движения корабля, протянулась на сотни километров, мы преодолеваем это расстояние всего за три минуты. Но для космических скоростей это период продолжительный.

К вечеру, около пяти часов, станция «Салют-6», наш орбитальный комплекс, пролетает над Алтайскими горами. Отчетливо видны хребет монгольского Алтая, впадины больших озер. Сверкая солнечными бликами среди коричневатых гор, озера Хара-Ус и Хяргас-Нур кажутся размером с ладошку. В памяти всплывают слова мелодичной песни: «Величественно прекрасны горы Алтая». Мне думается, что каждый летчик при взгляде с небесных высот на землю испытывает желание что-то напевать или вспоминает слова любимой песни. Может быть, желание петь возникает из-за чувства восхищения полетом. Почти все летчики так говорят и отмечают в воспоминаниях.

Хубсугул и Байкал сверху кажутся как бы соединенными друг с другом. Глядя на глубокие впадины этих великих озер, думаешь, какие огромные водные запасы голубеют в них.

Земля из космоса выглядит географической картой, расцвеченной красками. Рядом с Хубсугулом и Байкалом ле-

жат снега. От Хангайского хребта до центральной части нашей страны все пространство также покрыто снегами.

Начинает смеркаться. Сейчас мы, четверка космонавтов, пролетаем над моими родными местами: горами Хугна-Хан, рекой Тарна, сомонами Булганского аймака. Я прильнул к стеклу иллюминатора, как будто с космической высоты можно было увидеть отцовскую юрту. Командир корабля тоже смотрит в иллюминатор и произносит:

— Друзья, мы летим над родиной Гуррагчи!

Облачность мешает наблюдению, и все же я не отрываюсь от иллюминатора, и мне кажется, что вижу горы и реки родных мест. Вот белая юрта отца в местечке Хайласт у реки Тарна, вот сквозь маленький просвет в облаках отчетливо видны глядящие в небесную даль мои отец, мать, братья и сестры.

«Здравствуйте, отец, мама, братишки и сестренки! Здравствуйте, мои горы Хугна-Хан!» — мысленно приветствую я их. Послать из космических высот привет близким, родине, свосму народу дело необычное. Такое счастье, такая удача, возможно, единственны в своем роде. Кому посчастливится потом вспомнить, что он охватывал всю свою страну одним взглядом! Через просветы в облаках видны огни Улан-Батора.

Какими близкими и прекрасными кажутся из космоса родные края! Как чудесна Земля! И сердце сжимается от боли за нашу планету. Как сохранить ее, уберечь от гибели?..

А моя родная Монголия в радостном буйстве весны мирно трудится под вечносиним небом. Красива весна на реке Тарна! Изогнутая наподобие лука голубая гряда гор Хугна-Хан, вершины и утесы, то как бы взлетающие над землей, то растворяющиеся в ней... Громоздятся с севера на юг бесчисленные огромные рыжие барханы в долине Тарны, зеленеют над рекой вязы и ивы, пробудившиеся от сна, белеют юрты айлов, мелькают то тут, то там табуны лошадей. Когда в погожий весенний день, оседлав коня, мчишься во весь опор к пасущимся стадам, душа не может успокоиться, она рвется к мерцающему сквозь облака голубому небу, и хочется взлететь на всем скаку прямо туда, в небесную высь. «Мысли матери — о детях, мысли детей — о горах» — так говорят старики. Подобно отравившим крылья птенцам, покидающим родные гнезда, разлетаются в разные стороны выросшие дети — на учебу, в армию, замуж, в другие города... Таков, видимо, закон бытия. А вот

помыслы Вашего сына, мама, устремлены в космос. Мама, мама моя! Смогу ли я отплатить за все, что Вы сделали для меня, за Вашу заботу? Одной славой и именем разве возместить сыновний долг матери, отправившей тебя в космос и переживающей сейчас за своего сына? Но все ж, мама моя, Вы должны быть рады, что родили и воспитали сына, участвующего сейчас в деле необыкновенном, которое прославит на весь мир имя Монголии и народа нашего...

Моя мать родила четырнадцать детей. Из них десятеро сейчас живы и здоровы. Я самый старший. Если мама говорит о прошлом, она всегда вспоминает, что примечательного было в год и месяц рождения каждого из нас. Это как бы материнское летосчисление. «Стольким детям, — говорит она, — и имена подобрать непросто было». Одного из двух братьев назвали большой Батсух, другого — малый Батсух. А когда рождался очередной малыш, родители каждый раз думали, что вот этот-то уж наверняка последний, и давали ему имя, начинающееся с «Отгон», что означает — самый младший, последний: Отгонжаргал, Отгонсайхан... А вот теперь я, старший из всех детей семьи, — в космосе. Может быть, сейчас я заслужил самую большую благодарность нашей матери. Вообще же у нас издавна говорят, что человек всю жизнь должен носить на своих плечах ношу благодарности и признательности отцу и матери за их заботу и воспитание. Хороший и высокий этот обычай — благодарение материнской любви.

Сейчас, в этом стремительном космическом полете, вспоминая и перебирая в памяти события всей своей жизни, я прежде всего думаю о тех, с чьей помощью добился этих высот. В моей биографии ничего удивительного или необыкновенного нет. Я сын простых аратов. Рос под присмотром бабушки и дедушки. Моя мама была приемной дочерью дедушки Чултума, многие годы служившего перегонщиком скота. Весной грузил он свою латаную-перелатаную палатку на лошадь, приторачивал котелки и посуду и отправлялся в путь. В конце осени, получив плату за гуртовку скота, привозил из города отрез материи, конфеты и печенье. Помню, я всегда ждал, что привезет дедушка в очередной раз с гуртовки. Нам, детям, он привозил и тетради, и карандаши, и разные игры.

А душа моей бабушки была такая чистая, как сверкающее зеркало. Всегда стараясь помочь семье, она проводила дни за выделкой кож и овчин, вила веревки из конопля. Говорят, что в воду, богатую водорослями, все рыбы приплывают. А у хороших, добрых хозяев все люди собира-

ются. У бабушки и дедушки гостей всегда было много. Зимовали они обычно в местечке Рашант, а весной перекочевывали вниз, к краю песчаного пустыря. Долгими зимними вечерами в небольшой теплой юрте дед наш, бывало, рассказывал старинные истории, говорил о замечательных людях из наших мест. Отец мой был приемным сыном известного в хошуне борца — тощего Балдана. Балдан был худой как скелет, но высокий, с широкой грудью, и обладал недюжинной силой. Его так и прозвали — Скелет. Было у него и другое прозвище — Упряжный Гнедой. Я все удивлялся, почему человеку дали лошадиную кличку? Оказывается, в молодости, работая извозчиком в другом хошуне, он вышел победителем в надомских соревнованиях по борьбе, за что ему и дали это прозвище. Более того, рассказывал он и о том, как победил всех борцов на надоме в аймаке Тушэтхана и получил в качестве награды борцог (печенье) из рук правителя аймака Дашняма. Из поколения в поколение члены нашего семейства были скотоводами и, хотя не достигали особого достатка, жили привольно, детей воспитывали трудом, не баловали, прививали им уважение к народным традициям и обычаям, сызмальства приучали к самостоятельности.

И весна, и осень в моих родных краях, у гор Хугна-Хан, в долине реки Тарна, необыкновенно прекрасны.

Когда пасешь овец и коз в пору цветения подснежников, то, проходя сквозь гряду песчаных сопков, слышишь разносимый ветром необычайно мягкий аромат этих только что распустившихся синих цветов, предвестников тепла. Я и сейчас думаю, что нет цветов прекраснее подснежника. А как хорошо было идти в школу по полевому ковылю, когда ивы и осины на горах Хугна-Хан стояли одетыми в золото! Весной возвращаешься в родную юрту, по которой соскучился, осенью спешишь в школу, о которой думаешь с любовью. Годы учебы в начальной и средней школе были для меня временем становления на ноги, познания хорошего и плохого в людях, знакомства с удивительными событиями в окружающем мире, временем дум и размышлений о смысле жизни. Когда в воспоминаниях своих я обращаюсь к годам учебы в начальной школе в сомоне Гурван-Булак, в восьмилетней школе в Хишиг-Ундэре и в десятилетке в городе Булган, то перед моими глазами встают лица одноклассников и друзей, лица учителей, учивших меня от первых букв до аттестата зрелости. Сколько хороших товарищей, сколько замечательных учителей! Моими лучшими друзьями были Нямдорж и Олонбаяр. Сколько

обуви и одежды мы истаскали и порвали в своих ребяческих проказах!

А сейчас Олонбаяр стал научным сотрудником в НИИ животноводства, Нямдорж работает пастухом. В прошлом году во время отпуска побывал я у Нямдоржа. У него много взрослых детей, большая белая юрта, много овец. Настоящий сельский житель — арат, загорелый крепкий мужчина. Повстречал я его во время надомских праздников: сидит дюжий мужик, похваливает своего лихого коня и мотоцикл «Планета», раскладывает национальные кушанья, табакерку, по обычаю, протягивает. Хороший пастух из него вышел. Да и то, не всем же надо стремиться стать учеными и космонавтами. В общем, все одноклассники мои свое место в жизни нашли, все в добром здравии, у всех дела в порядке.

Как хорошо было прошлым летом во время отпуска, когда целый день мы провели со своими бывшими одноклассниками! Поставили палатку на берегу реки Орхон, гуляли по вытканной цветами степи, вспоминали смешные истории и приключения детских лет, вели беседы у ночного костра. Кто-то смеясь спросил: «А под какой звездой родился наш Рагча?» В ответ послышалось: «Орион, Стожары, Венера...» А потом летней безоблачной ночью я лежал, прислушиваясь к шуму волн Орхона, и размышлял: «Если верно, что человек рождается под какой-либо звездой, то я, видно, родился под счастливой. Если полечу в космос, то надо бы из девяти тысяч звезд восьмидесяти восьми созвездий (так у нас в народе говорят) выбрать свою...» Я называл одну за другой по-русски и по-монгольски звезды, сияющие в ночном небе, вспоминал разговоры друзей...

Дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Георгий Тимофеевич Береговой в своей книге «Небо начинается на земле» писал: «Давно замечено, что бездельник потребляет гораздо больше, чем тот, кто живет деятельно, кто одержим трудом, интересной работой. Бездельник стремится заполнить пустоту собственного существования вещами; без них ему просто нечем себя занять. Тот же, кто живет деятельно, не столько потребляет вещи, сколько создает их сам». Очень меткие слова.

Когда я оглядываюсь на прожитую жизнь, вижу, что шел по прямому и открытому пути. Да иначе и быть не могло. Действительно, моему поколению открыта светлая и широкая дорога в жизни. Надо только, как говорится, не спасовать перед трудностями в работе, полностью осознавая свой долг гражданина социалистической Родины. А это

не требует от человека каких-либо сверхестественных качеств. Оттого, может быть, что меня, пожалуй, сверх меры пестовали старые люди, я вырос несколько застенчивым и медлительным парнем, но упорным и старательным. Я не любил выделяться среди других, но плестись в хвосте тоже не хотел. Окончив десятый класс, я по распределению попал в сельскохозяйственный институт. Честно признаться, в то время я еще не в полной мере представлял себе свое призвание. Но сельскохозяйственная профессия не слишком привлекала меня. Быть педагогом или инженером казалось мне более подходящим. И вдруг я подумал: «А что, если пойти в армию? Авань повезет, и отправят меня прямо оттуда учиться на летчика или инженера». Никто мне тогда ничего не посоветовал, не убеждал меня. Это решение я принял самостоятельно. Оставив сельскохозяйственный институт, я вернулся в родные края, уверенный, что мои родители не всполошатся от моего поступка, поймут меня и будут даже рады, что прибавился помощник в семье. Так и вышло. И до следующей осени, до призыва в армию, я оставался в семье. Строил с отцом красный уголок и здание конторы. Иногда, взяв ружье, отправлялся с бывальными охотниками в леса горной гряды Хугна-Хан. А мысленно я уже находился в армии. Несколько месяцев пролетели незаметно, и вот я стою в шеренге призывников, а через некоторое время я — рядовой в одной из частей связи Улан-Баторского гарнизона. Это было в сентябре 1968 года. Начались несколько однообразные дни армейской службы. Но скучать и раскисать не приходилось. День за днем, месяц за месяцем пролетели три года. Уже приближался срок окончания армейской службы. И вдруг однажды вызвал меня к себе командир нашей части: «Хочешь поехать на курсы бортрадистов-вертолетчиков?»

Я, конечно, с радостью согласился. Первым шагом к осуществлению моей мечты — учиться в летном или инженерном училище — стала учеба в столице Советской Киргизии — городе Фрунзе. Родившийся у подножия гор Хугна-Хан, я приехал к отрогам Небесной Горы — как у нас называют Тянь-Шань.

В первую очередь я решил выучить русский язык, и выучить как следует. Сказал себе: «Я должен выучить — и я выучу!» Это, может быть, и был самый верный шаг в моей жизни. Я понимал, что знание языка великого русского народа окажет мне неопенимую помощь в моей дальнейшей жизни.

У каждого человека бывают в жизни минуты, когда он

словно презревает. Так было и со мной, когда я понял, что правильно выбрал цель. Нет ничего лучше, чем иметь в своей жизни четко намеченную цель.

В учебе я старался как мог. Одним из моих первых преподавателей русского языка был почтенный Эдуард Николаевич Чаплин — учитель по призванию в самом высоком смысле этого слова. Эдуард Николаевич приучил меня к самостоятельности в изучении русского языка. Он убедил меня, что девять месяцев срок хотя и небольшой, но вполне достаточный, чтобы овладеть простыми языковыми навыками. Как и наставлял меня мой учитель, я начал заниматься языком самостоятельно, уделяя основное внимание грамматике русского языка. Мои старания не пропали даром. Через девять месяцев, вернувшись на родину со специальностью механика связи вертолетов, я мог свободно читать советские газеты и журналы и спосно излагать свои мысли на русском языке. Так был сделан мой первый шаг в достижении цели. Инженером я не стал, но специальность моя была непосредственно связана с небом. Неся службу в эскадрилье, я решил всерьез заняться самообразованием. Надо сказать, что во Фрунзе я попал по счастливому стечению обстоятельств. За три года в части связи я не терял времени даром, старался как можно лучше изучить дело военного связиста. Меня считали неплохим специалистом, к тому же рядовых с десятилетним образованием тогда было не так много, как сейчас. Потому, видимо, меня и направили на учебу.

Отступи я от своей мечты — после демобилизации, скорей всего, вернулся бы домой. Но осенью 1972 года, после нескольких лет службы механиком-связистом, я был направлен в Москву — в прославленную, знаменитую Военно-воздушную инженерную академию имени Н. Е. Жуковского. Это был мой второй шаг к цели. За годы учебы в академии я возмужал, а к воспитанию, которое дали мне мои дед и бабушка, прибавилась воинская дисциплина. Я полностью освоился в новой среде, многое увидел, узнал и прочитал. В академии, где преподавали прославленные советские полководцы, у меня появилось много добрых друзей, умудренных жизненным опытом, знающих свое дело. Поскольку многие космонавты, начиная с Юрия Алексеевича Гагарина, учились в нашей академии, у нас то и дело возникали разговоры на космические темы. Я часто думал о том времени, когда сын моей страны полетит в космос, и во мне начинала теплиться надежда — ведь моя профессия была одной из близких к космической.

Находясь в орбитальном комплексе, я думаю о них, моих добрых друзьях и мудрых наставниках.

Мысли о Земле — это мысли о людях, и в первую очередь о дорогих и близких тебе. Можно даже сказать, что земное притяжение — это в значительной степени сила человеческого притяжения. Без человека невозможно представить себе природу планеты. Испытываешь ни с чем не сравнимую радость, когда в космосе в твоей памяти одно за другим возникают лица дорогих тебе людей...

В монгольском языке есть слово «бакша», по-русски — «учитель». Подобные слова, может быть, самые сокровенные в языках народов. Так называют самого почитаемого человека. «Устод — («учитель» по-узбекски) для узбеков равносильен божеству», — говорит Владимир Александрович. Стоит ли говорить, что мы, монголы, издревле почитаем учителей. И сейчас я самым добрым словом поминаю всех моих учителей, от Намжил-гуая, научившего меня писать букву «А», и до Евгения Ивановича Марченко — нашего с командиром экипажа инструктора. Оказывается, в такие минуты вообще много думаешь об учителях, и не столько для того, чтобы сказать слова благодарности, сколько для осознания своего прошлого, а может быть, и будущего. Первый учитель, как и первая любовь, не забывается. Например, сейчас я явственно помню даже голос моего первого учителя Намжил-гуая. А ведь со дня первого его урока минуло двадцать лет. Я шлю сердечную благодарность Манал-гуаю, который был нашим преподавателем до седьмого класса, и Мандахсайхан-гуаю, выпустившему наш десятый класс. Дорогие учителя, я ваш ученик и именно благодаря вам, давшим мне крылья, нахожусь сегодня в космосе со своими звездными братьями.

А мои преподаватели из академии! Преподаватель высшей математики Павел Алексеевич Филимонов — человек удивительной эрудиции, высокой культуры и предельной скромности. Преподаватели русского языка Алла Васильевна Журавлева, Вера Сергеевна Науменко, Вера Семеновна Жукова — это поистине, как говорят монголы, буянтай хумбус — люди, приносящие благо. Руководителем моей дипломной работы был Геннадий Александрович Музалев, умеющий внушить человеку веру в собственные силы, тактично, без нажима включить в работу. Среди преподавателей, как и среди друзей, есть необыкновенные люди. Позднее, вспоминая их, я невольно думал: «А кем бы я стал, если бы не этот человек?» Преподаватель физики Людмила Андреевна Сорокина была для меня как старшая

сестра. Простая и общительная, очень искренняя, умеющая держать себя с достоинством, Людмила Андреевна, мне кажется, воплощает в себе самые лучшие качества русской женщины. Она — одна из моих любимых учителей. И если говорить о русских людях, с которыми я так или иначе связан со времени моей учебы во Фрунзе, то трудно переоценить их благотворное влияние на мое нравственное становление. Мы, монголы, называем русских старшими братьями и вкладываем в эти слова особый смысл. Дружба с русским народом, открытым и честным, надежным и верным, талантливым и трудолюбивым, в высшей степени сердечным и отзывчивым, и дала мне крылья в космос.

Оказывается, находясь в космосе, человек больше всего думает о Земле, о родине, о людях и стремится поделиться с ними самыми сокровенными своими мыслями. Так, по моему, и должно быть. Человек, даже если он выйдет когда-нибудь за пределы ближнего космоса, не будет оторван от Земли, ибо и душой, и мыслями он будет всегда связан с родной планетой, ставшей колыбелью человечества, с людьми.

Мы держим постоянную связь с Центром управления космическими полетами через научно-исследовательские океанские суда. Программу выполняем успешно. Что касается меня, то я во время каждого космического интервью с журналистами сообщаю: «Самочувствие хорошее». Я и в самом деле чувствую себя неплохо. Признаться, перед стартом я все-таки немного боялся, как бы не подвести товарищей, как бы не стать для них обузой. Но сейчас я уверен в себе и чувствую себя бодро.

27 марта. Пятница. Проснулись мы в 8 утра. Позавтракали. Я уже вполне привык к космической пище и освоился в невесомости. Товарищи захотели попробовать облепихи с молоком. Этот продукт, приготовленный нашими специалистами, пришелся по душе моим космическим братьям. Они даже наказали мне: «Вернешься на Землю, пришли нам при случае побольше облепихи с молоком». Каждая страна, участвующая в программе «Интеркосмос», вносит какой-то определенный вклад в ее осуществление. И этот продукт питания, разработанный нашими специалистами, был согласно этой программе опробован в космосе и одобрен.

В 7 часов 30 минут вечера на станции вдруг раздался сигнал тревоги. На табло появилось сообщение, что на станции дым. Я невольно похолодел. К счастью, сигнал был ложным. Дыма мы не обнаружили. Погасло и табло.

На земле, проходя подготовку в модели корабля, мы не раз работали в аварийных условиях, которые могли быть вызваны неполадками в системе «Игла» или в топливном отсеке. При надобности мы могли, как говорится, сразу подняться по тревоге. Вообще в космосе чувства человека очень обостряются. Известен случай, который произошел с Георгием Шонным и Валерием Кубасовым, когда они спускались на Землю после полета на корабле «Союз». Спускаемый аппарат вошел в плотные слои атмосферы, и тут за иллюминатором сначала вспыхнуло синее пламя, а потом языки огня покрыли поверхность спускаемого аппарата. Валерий с беспокойством спросил: «Жора, тебе не печет спину?» И именно в этот момент Шонин почувствовал, как ему в шею и спину дохнуло жаром. Растерявшись, он посмотрел на термометр — тот показывал всего двадцать градусов тепла. И космонавты рассмеялись — вот что значит самовнушение!

Человек — существо особое, его чувства и сознание связаны сложнейшими нитями. Взять хотя бы условные рефлексy, защищающие человека от вредных воздействий внешней среды. А воля человека, с помощью которой он может преодолеть любые испытания?!

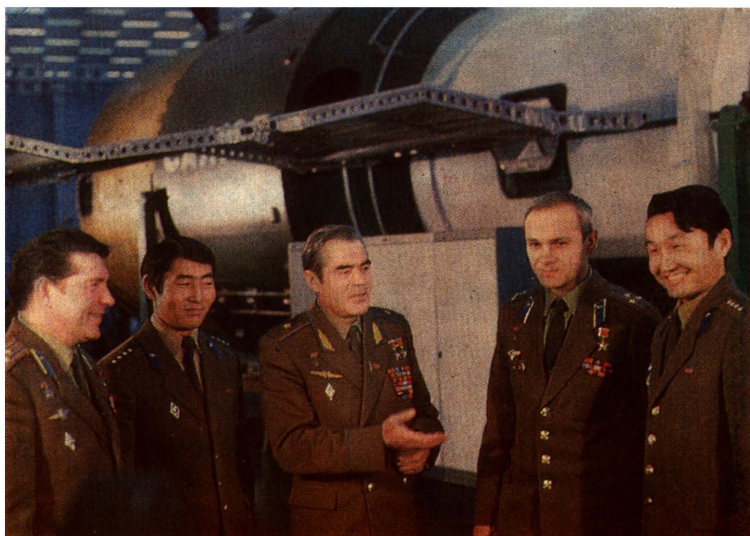
Вот как пишет о своем выходе в открытый космос А. А. Леонов:

«Словно в неизведанный, таинственный мир открылась крышка выходного люка. Ослепительный поток нестерпимого солнечного света хлынул в тесное пространство шлюзовой камеры... Держась руками за стенки, я приблизился к круглому отверстию люка и чуть ли не наполовину высунулся из него. Передо мной зияла бездна... Над головой иссиня-черное небо, усыпанное яркими немигающими звездами, рассыпанными вокруг раскаленного диска Солнца... Выйдя из люка, можно было увидеть еще больше, и я невольно потянулся вперед, чтобы сделать первый шаг в неведомое...»

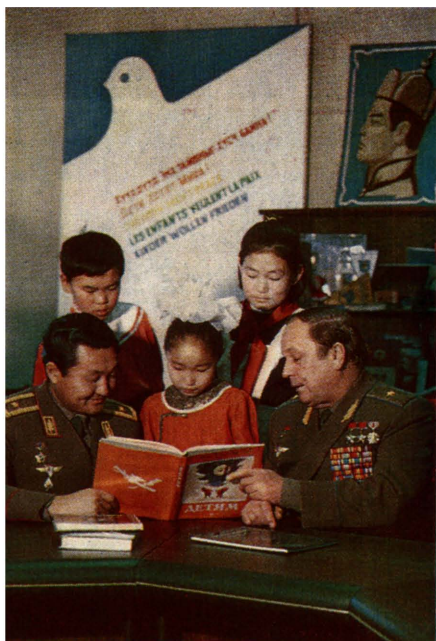
Нетрудно представить, какими страшными и в то же время завораживающими были те минуты. Но сила человеческого духа в том и заключается, что человек своей волей побеждает естественный страх.

В конце августа 1979 года мы поехали в Крым, в Феодосию, чтобы проходить подготовку к приводнению. Облечься в спасательный жилет после спуска аппарата на воду и прыгнуть в бездонную морскую пучину было для меня испытанием не меньшим, чем выход в открытый космос. Конечно, для меня, никогда не окунавшегося в реку

Уточнение задания

Встреча друзей.
Ж. Гуррагча и
В. В. Горбатко

Космонавт-исследователь **Жугдэрдэмидийн Гуррагча** и космонавт-дублер **Майдаржавын Ганзориг**

Встреча Нового года

больше моей родной Тарны, огромное море было неведомой и страшной стихией.

Семь дней в космосе пролетели поистине с космической скоростью. До возвращения на Землю оставались одни сутки. Мы с командиром корабля и экипажем орбитальной станции завершали свою работу. Сознание того, что ты хорошо справился с порученным заданием, и притом в необычных, космических условиях, наполняло меня радостью. Мы вчетвером провели всю работу от имени и во имя более чем четырех миллиардов жителей планеты Земля. Весь мир узнал, что в составе космической четверки находится гражданин Монгольской Народной Республики. В Париже, Нью-Йорке, Токио передают сообщения о том, что сын скотовода-степняка, офицер монгольской Народной армии Гуррагча, полетевший в космос в качестве исследователя на борту корабля «Союз-39», работает на орбитальной станции «Салют-6». Пусть удивляются, пусть завидуют! Пусть знают, что монгольский народ, о котором шестьдесят лет назад почти ничего не знали на нашей маленькой голубой планете, теперь благодаря переходу в новое, социалистическое общество, благодаря братской нерушимой дружбе с великим советским народом в полный голос заявил о себе в современном мире, поднял свое имя на космическую высоту. И хотя за эти семь дней не произошло ничего особенного, работу мы выполнили добросовестно и на душе стало спокойно и радостно...

Земля казалась мне мягкой, словно родная колыбель. Таков уж человек, сын человека, он связан пуповиной жизни с водой, которой омыт, с землей, на которую упал из материнского чрева. Я счастливый человек — меня ждут отец и мать, братья и сестры, жена и сын, меня ждет родина. Но я не вправе думать только о личном. Как и все мои товарищи космонавты, я думаю о судьбах человечества, о судьбе матери-планеты.

Люди! Будем же любить и беречь Землю! Будем бороться за мир, за то, чтобы полностью избавить ее от мрака невежества и бед! Пусть мир и солнце вечно освещают нашу планету! Услышьте, люди, мой призыв из космоса!..

Включив двигатель орбитального комплекса, мы поднялись над орбитой на тридцать километров. Вечером был сеанс телепередачи. В течение этих семи дней мы держали настолько устойчивую двустороннюю связь «Земля — космос», что порой даже можно было засомневаться — в космосе мы или проходим подготовку на Земле. Мы доложили об успешном выполнении программы испытаний, выразили

нашу благодарность партии и народу за высокое доверие, оказанное нам. Искренне поблагодарили наших товарищей — членов основного экипажа, которые сделали все для того, чтобы мы с командиром корабля смогли успешно выполнить задание.

Товарищи устроили нам прощальный ужин, выставили на космический «стол» все самое вкусное. В 2.00 члены основного экипажа уложили нас спать, а сами отправились готовить корабль «Союз-39» в обратный путь. В последнюю ночь в космосе я спал спокойно, как всегда. В 7.00 меня разбудили товарищи. Наскоро позавтракав, мы четвером приняли участие в последней пресс-конференции из космоса, попрощались с товарищами из основного экипажа. В 8.00 мы с командиром отправились в свой корабль «Союз-39», надели скафандры, перекрыли люк между станцией и кораблем. Приготовились к отсоединению корабля от станции. В 11.00 была дана команда на расстыковку, но автоматика стыковочного узла команду не приняла. Однако у нас не было причин для тревоги. С Земли нам сообщили, что система не сработала из-за смены порядка выдачи команд. Режим должны были повторить на следующем витке. Мучительно медленно прошли сорок пять минут, и наступил следующий сеанс связи с Землей. Только сейчас я понял, как торопился на Землю. Конечно, если бы нам сказали, что необходимо вернуться на станцию и проработать там еще сто дней, мы бы с готовностью выполнили это задание. Но наша спешка была естественна — ведь мы должны вернуться на Землю! Земля есть Земля. На новом витке последовала команда «Расстыковка!» — и «Фотоны» и «Памиры», проработавшие вместе целую неделю, разошлись, как говорится, не по своей охоте, а потому, что дорога развела.

Над Средиземным морем спускаемый аппарат плавно отделился от корабля. Оставленная нами часть «Союза-39» была четко видна на фоне сине-зеленого моря. Из Центра управления космическими полетами предупредили, чтобы мы приготовились к перегрузкам.

Вскоре спускаемый аппарат вошел в плотные слои атмосферы. За иллюминатором вспыхнуло беловато-синее пламя, потом заплясали красные языки огня. Возросла перегрузка. Я стиснул зубы. «Земля не любит выпускать человека из поля своего притяжения, а при возвращении, видимо, хочет испытать человека, шагнувшего за ее пределы», — подумалось мне в ту минуту. Вскоре перегрузка уменьшилась, временно оборвавшаяся связь с Землей восстановилась, раскрылся огромный, на все небо, купол ос-

нового парашюта, резко сократилась скорость спускаемого аппарата. Парашют, слегка покачивая наш аппарат, спускал нас к Земле. Мы оказались на уровне облаков, наблюдаемых нами в течение семи дней из далекой выси. Близость их наполнила душу радостью. На высоте пяти километров, громко хлопнув, открылись створки вентиляторов в аппарате. В кабину с шумом ворвался пахнущий дымом и гарью воздух. Земной воздух — как он прекрасен! Вовлекшая нас в поле своего притяжения Земля могла встретить и не очень-то мягкой посадкой, но пестрый ее лик под пасмурным небом был таким родным и милым. Когда мы приблизились к поверхности Земли, то услышали, как переговариваются между собой встречающие нас вертолетчики. Перед приземлением сработало тормозное устройство. Посадка наша была, как и ожидалось, мягкой.

Здравствуй, моя земная твердь, мягко встретившая нас!

Спускаемый аппарат несколько раз повернулся вокруг своей оси и остановился. Командир экипажа был внизу, а я застыл наверху.

— Все в порядке! — сказал Владимир Александрович.

— Дай, командир, лапу! — сказал я.

Открылся люк аппарата, и нас под руки вывели наружу.

По земле идти было неудобно, не хватало опоры. Но все-таки это была земля, по которой тридцать три года ступали мои ноги. Я полной грудью вдохнул чистый воздух казахстанской степи. Нас усадили в специальные кресла, укрыли теплыми одеялами. К нам со всех сторон бежали советские и монгольские журналисты с аппаратами и микрофонами.

Глава пятая

ХОТЬ И ТЯЖЕЛ ВЕНЕЦ СЛАВЫ

Всю ответственность возложенной на нас задачи я в полной мере почувствовал лишь после возвращения на Землю. В космосе же, где на строгом учете каждая минута, все внимание было сконцентрировано на конкретном выполнении программы.

Мы с командиром экипажа сразу же приступили к подготовке отчета. Привели в порядок записи, наблюдения, составили подробный отчет о всей проделанной работе. На Земле все же и думается как-то спокойнее.

6 апреля мы вылетели из Байконура в Звездный городок...

Всего месяц назад здесь чувствовалось только дыхание весны, а сегодня оживленные улицы, распустившиеся на деревьях почки говорили о том, что в окруженный хвойным лесом городок пришла настоящая весна. На площади пестрела толпа встречающих, впереди всех стояли члены государственной комиссии. По установившейся традиции дороге, ведущую к церемониальной площадке, выстлали красной ковровой дорожкой. Невольно вспомнилось, как по этой же дороге двадцать лет назад шел Юрий Алексеевич Гагарин, счастливый, улыбающийся... Командир корабля и я ступили на нее и пошли вперед. Такого волнения, пожалуй, я не испытал ни во время старта, ни потом, на космической орбите.

Известие о присвоении мне звания Героя Советского Союза и Героя МНР, командиру экипажа Владимиру Александровичу Джанибекову — звания дважды Героя Советского Союза и Героя МНР мы получили, когда еще были в Байконуре. Мог ли я, обыкновенный монгольский парень, ничем особым не отличавшийся, когда-либо мечтать стать космонавтом, героем?! Мог ли думать, что когда-нибудь предстану перед высокой комиссией, чтобы доложить о работе, выполненной во время космического полета? Никакой игры судьбы я в этом не усматривал, так как отдавал себе

полный отчет в том, что участвую в совершающемся по закону дружбы монгольского и советского народов важном деле, давно запланированном и имеющем широкую перспективу.

В толпе встречавших я успел заметить много знакомых лиц. Со счастливой улыбкой на лице стояла моя жена Батмунх, а рядом с ней махал мне ручонкой наш трехлетний сын Батбаяр. Я знал, с каким нетерпением они ждут встречи со мной, и сам по ним тоже очень соскучился.

Командир экипажа доложил, что экипаж космического корабля «Союз-39» с заданием успешно справился. Нас окружили близкие и друзья, начали поздравлять, подносить цветы.

Бывают в жизни моменты, когда человек не в силах сдержать слез радости. Хотелось воскликнуть: «Какие вы все хорошие! Дайте я вас обниму!»

Звездный городок встретил нас ясным солнечным днем, улыбками прохожих, благоуханием цветущих каштанов. Ни с чем не сравнимая радость переполняла душу. Сколько света, воздуха на нашей планете, сколько сердечной теплоты в людях, ее населяющих! И какая ответственность лежит на каждом из нас, чтобы ее сохранить, не дать ей погибнуть. Я чувствовал, что вступаю в новую, самую ответственную полосу своей жизни, когда четко определена ее цель. В служении своему народу, делу мира и прогресса видел я главный смысл жизни.

Вечером мы с женой и с сыном долго гуляли по тихим улицам Звездного городка. Все, кто попадался нам на пути, приветственно махали рукой, а дети тянули родителей за рукав: «Смотрите, монгольский космонавт!» А вот и мои давнишние знакомые — пара лебедей, обитающих на озере, что посреди городка. Казалось, они тоже смотрят на нас как-то особенно, сердечно. Людям вообще свойственно преклонение перед природой, стремление к соприкосновению с ней. С детства я среди других птиц выделял лебедей за их грациозную красоту. Вместе с их прилетом приходила долгожданная весна. Для меня лебеди были посланниками неведомой страны, далекой и прекрасной. Каждую весну и осень, когда на водоемах и озерах долины Тарны стаями собирались лебеди, красивее зрелища трудно было сыскать: на зеркально-синей глади вод, словно рассыпанный жемчуг, белели лебеди... А ведь целью исследования космоса является и сохранение для потомков всей этой красоты, богатства природы, ее недр. И еще более глубинным смыслом наполнялась моя работа, связанная с полетом в космос.

Для нас с командиром экипажа начались напряженные дни: много времени занимало подведение итогов нашей работы, а кроме того, нас без конца приглашали на различные встречи, конференции, беседы.

17 апреля командир экипажа Джанибеков, я, члены экипажа-дублера Ганзориг и Ляхов прибыли в Кремлевский дворец, где прошла церемония вручения нам высших государственных наград, присвоенных Указом Президиума Верховного Совета СССР. Нас провели в большой зал екатерининской эпохи, с высоким потолком, со сверкающими хрустальными люстрами. Мягкий свет их падал на стены, отражался в зеркальном паркете.

В зал вошли партийные и государственные руководители. Первым принял награду и выступил с ответным словом командир экипажа Владимир Александрович Джанибеков. Потом подошел мой черед. До самой последней минуты я повторял про себя текст своего короткого выступления, но все-таки от волнения не сразу начал говорить. Постепенно голос мой обрел силу, слова полились сами собой.

— ...Я горд и счастлив тем, что по звездному пути, проложенному двадцать лет назад Юрием Гагариным, плечом к плечу со своими звездными советскими братьями на космическую орбиту поднялся и я, сын монгольского арата, представитель социалистической Монголии.

Награды, которые сегодня получаю... символизируют нерушимую дружбу монгольского и советского народов, родившуюся в годы Ленина и Сухэ-Батора, дружбу, укрепшую и развивающуюся под влиянием многогранной деятельности наших братских партий...

В космосе по намеченной программе была проведена стыковка нашего космического корабля «Салют-39» со станцией «Салют-6». Радостям друзей, встретившихся в космосе, не было границ. Находясь на космической орбите, мы постоянно ощущали заботу и внимание партийно-государственных руководителей двух наших стран. Именно любовь и внимание родной партии, родного народа служили мне надежной опорой при исполнении непростой миссии вдали от родной планеты в безбрежной космической дали.

Но, узнав почти сразу же по возвращении на родную землю о присуждении мне высшей награды Советского Союза и МНР, я подумал прежде всего о том, как оправдать оказанное партией и народом высокое доверие.

В детстве дедушка и бабушка наставляли: «В наше время, когда для детей простого народа открыты все пути,

человек может достигнуть многого. Но надо суметь сохранить оказанные тебе любовь и уважение». А мои родители, узнав про выпавшие на долю их сына огромные почести и уважение, конечно, не только радуются, но и волнуются: «Пусть же у нашего сына хватит силы выдержать народную любовь, сохранить в чистоте свое имя, прогремевшее на всю страну». Верно говорят, венец славы тяжел. Но сохранить кристально чистой репутацию, оправдать высокое доверие партии и правительства помогут мне с детства привитые в школе и семье чувство ответственности, правдивости, высокая сознательность и честность коммуниста.

5 мая члены двух экипажей космического корабля «Союз-39» вместе с начальником Центра подготовки космонавтов, дважды Героем Советского Союза, прославленным космонавтом Георгием Тимофеевичем Береговым вылетели в Улан-Батор. Разные мысли занимали меня, пока мы летели над сибирской тайгой, такой привычной и давно знакомой.

С волнением думал я о том, как буду докладывать об итогах космического полета руководителям нашей партии и правительства, о встрече с соотечественниками. Мысленно представлял, как познакомлю своих друзей с родной Монголией.

Под нами развернулась широкая панорама — темно-зеленые массивы лесов, перерезанные лентами сибирских рек. Мне всегда нравилось смотреть на землю с высоты, но в этот раз я мысленно сравнивал эти картины с тем, что мне довелось увидеть из космической дали. За размышлениями время прошло незаметно.

Вскоре объявили, что мы прибыли в Улан-Батор. И в моей родной столице была в разгаре весна. В аэропорту Буянт-Уха, как и несколько дней назад в Звездном городке, пестрела толпа встречающих, развевались флаги. Выстроили почетный караул, оркестр заиграл марш. Нас встречали руководители партии и правительства МНР. Командир экипажа, Ганзориг и я доложили об успешном выполнении задания.

Этот день с его ярким солнцем, улыбками встречающих, трепетанием флагов, маршевой музыкой навсегда запечатлелся в памяти.

Вскоре мы встретились и с моими родителями. «Они оба — мои сыновья», — сказала о нас моя мама в интервью с одним журналистом, и ее слова облетели всю страну. «Конечно, она права», — сказал Владимир Александрович, услышав об этом. Незадолго до нашего полета в гостях

у моих родителей побывал другой советский журналист. Когда он спросил, что бы они хотели послать сыну в космос, папа передал ему для меня свою табакерку, а мама — десять тугриков на конфеты. Подарки эти я взял с собой в космос.

В день приезда, 5 мая, в Доме правительства, в торжественной обстановке нам вручили высшие государственные награды: командиру экипажа и мне орден Сухэ-Батора, звезду Героя МНР, Знак космонавта МНР, члену второго экипажа Ганзоригу — орден Сухэ-Батора. Мы потеряли уже счет встречам, конференциям, митингам трудящихся, а между тем от различных организаций поступали все новые приглашения. Со всех концов республики от трудящихся нескончаемым потоком шли письма и телеграммы. Заводы, фабрики, хозяйственные ведомства, трудовые коллективы рапортовали об успехах, достигнутых в социалистическом соревновании в честь совместного советско-монгольского космического полета.

Церемония встречи советского и монгольского космонавтов вылилась в подлинно всенародный праздник. Нам было радостно сознавать, что наш совместный космический полет вызвал огромный трудовой и политический подъем, внес достойный вклад в дело укрепления дружбы монгольского и советского народов.

9 мая, в день великой исторической победы советского народа над фашистской Германией, мы посетили места боев на Халхин-Голе. Это горный перевал Хамар-Даба, высота Байн-Цаган, река Халхин-Гол, где сорок три года назад шли кровопролитные бои монгольско-советских бойцов с японскими самураями, вторгшимися в пределы Монголии. Через два года сражавшиеся за свободу и счастье монгольского народа бойцы армии Страны Советов встали на защиту Родины от гитлеровских захватчиков.

Сколько защитников Родины полегло на реке Халхин-Гол, на Волге, в широкой Донской степи!.. Они отдали жизнь за то, чтобы мы спокойно воспитывали детей, выращивали урожай, летали в космос.

Герой Великой Отечественной войны, генерал-лейтенант Г. Т. Береговой возложил цветы к памятнику павших воинов. Нетрудно было догадаться, о чем думал в ту минуту этот бывалый воин, какие картины встали перед его взором. Вся его жизнь—это живой пример беззаветного служения Родине, своему народу.

С исторического города Восточной Монголии Чойбалсана началось наше долгое путешествие. Затем последовали

Дархан, Эрдэнэт, Булган... Везде нас тепло встречали трудящиеся, проводились митинги дружбы, встречи...

В Булгане я посетил родную школу в аймачном центре, посидел за ученической партией, за которую садился в последний раз пятнадцать лет назад. Нахлынули воспоминания о школьных годах... Беседовал с учителями, одноклассниками. Тогда я даже не предполагал, что эти наши беседы, да и вообще события тех дней до мельчайших подробностей останутся в памяти. Когда вспоминаешь о тех днях, все приобретает какой-то глубинный смысл — тот смысл, которым освящена жизнь нашего поколения, с его истинным счастьем, творчеством, большой будущностью.

13 мая — день рождения командира экипажа. Как раз в этот день мы приехали в Гурван-Булак, где я родился и вырос. Со всех концов аймака приехали люди, чтобы встретить нас. В знак огромного уважения поставили белые юрты, выставили богатое угощение, молочную еду, кумыс. Гостям показали скачки, над степью зазвучали монгольские песни.

Ко дню рождения Владимира Александровича ему подали буланого жеребенка с белой звездочкой на лбу. Когда на жеребенка надели недоуздок и подвели к Джанибекову, Владимир Александрович погладил жеребенка и сказал:

— Я ведь тоже родился в местах, славившихся скакунами и лихими наездниками. А теперь у меня есть и монгольская лошадь...

Мы с командиром экипажа долго гуляли по степи, вдыхая сочный запах свежей травы и подснежников. Вокруг возвышались горы Хугна, Мойлт, Шивэрт, Рашант. С юга, где дрожали и переливались над песками миражи, дул теплый ветер, принося с собой запах можжевельника, похожий на аромат курительных палочек. Владимир Александрович долго глядел в синеющие дали.

— Обширны и прекрасны степи твоей страны, Гуррагча. И у твоих родителей, у твоих земляков такая же, как эта степь, широкая и щедрая душа. Теперь я понимаю, почему монгольские песни так величаво-спокойны. Прекрасны все места на нашей планете. И нам выпало счастье жить и творить на ней, — сказал он мне.

Да, прав мой брат, мой друг, мой командир Владимир Александрович Джанибеков. Действительно, наша Земля — опора во всех наших устремлениях, во всех наших делах во имя счастья людей. Сердечно близок этот мир!

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
К читателю	3
Глава первая. На космодроме Байконур	5
Глава вторая. Притяжение космоса	15
Глава третья. Мой Звездный городок	24
Глава четвертая. Притяжение Земли	35
Глава пятая. Хоть и тяжел венец славы	48

Гуррагча Ж.

Г95 Сердечно близкий мир: Очерк/Пер. с монг.
Ю. Н. Кручкина.— М.: Воениздат, 1987.— 54 с. 2 л. ил.
ISBN 5—203—00529—X

В очерке Герой МНР, Герой Советского Союза летчик-космонавт МНР рассказывает о космическом полете в составе международного экипажа. Ярким, образным языком автор описывает свои впечатления о подготовке к полету и пребывании в космосе. Тепло и проникновенно он говорит о советских космонавтах и советском народе.
Книга представит интерес для широкого круга читателей.

Г 4703000000—056 КБ—23—17—1987
068(02)—88 БЗВ № 7—1987—№ 18

ББК 39.6г

Ж. Гуррагча

СЕРДЕЧНО БЛИЗКИЙ МИР

Редактор *Л. П. Жеребцов*
Художник *Л. Н. Качкова*
Литературный редактор *Г. В. Сакович*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *С. В. Мазаева*
Корректор *Н. И. Музалевская*

ИБ № 3432

Сдано в набор 24.07.87 г. Подписано в печать 05.10.87 г.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов. Печать высокая.
Печ. л. 1¼. Усл. печ. л. 2,94 + 1 вкл. ¼ печ. л. — 0,21 усл. печ. л.
Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 3,26. Тираж 10.000 экз. Изд. № 10/3486. Зак. 427.
Цена 20 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

Школьников не ограничить
 только на земле, но и в
 походе за знаниями и
 просвещением, сначала
 лучше прочитать за
 предельно короткий
 а затем заставить
 себя все около сабличное
 путешествие

Н. Булгаков

